

Алексей Фомичев

СТАЛОН ЗЛА

Отражения

Алексей Фомичев
Эталон зла (сборник)

«Автор»

2013

Фомичев А. С.

Эталон зла (сборник) / А. С. Фомичев — «Автор»,
2013 — (Отражения)

ISBN 978-5-17-080405-4

За нейтральной вывеской Научно-экспериментального Комитета скрывается новая спецслужба России, призванная обеспечивать контроль над самовольными переходами во времени и между мирами. Но когда проникновение происходит, оказывается, что обнаружить, а главное – захватить нарушителей крайне сложно. Ибо противостоит новой спецслужбе умный и умелый враг, не останавливающийся ни перед чем. Вступая в схватку, Комитет обрекает себя на долгое и предельно опасное соперничество с врагом. Но иного выхода у директора Дениса Навруцкого и его людей нет. На кону безопасность страны и всего мира.

ISBN 978-5-17-080405-4

© Фомичев А. С., 2013

© Автор, 2013

Содержание

След отражения	6
Предисловие к серии	6
От автора	7
Фрагмент 1	8
1	8
2	10
3	11
4	14
5	16
Фрагмент 2	18
1	18
2	22
3	26
4	28
5	31
6	34
Фрагмент 3	37
1	37
2	48
3	56
4	63
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Алексей Фомичев

Эталон зла (сборник)

© А.С. Фомичев, 2013

© ООО «Издательство АСТ», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

След отражения

Предисловие к серии

Серия «Отражения» посвящена теме перемещений во времени и пространстве. Герои книг по стечению обстоятельств попадают в другие измерения. Что ждет там: беда или счастье, горе или радость? Все зависит от их способности противостоять трудностям и опасностям. От ума, мудрости, хитрости, изворотливости. И наконец, просто от удачи.

Чтобы заслужить улыбку Фортуны, надо приложить массу усилий и не бояться рисковать жизнью. Своей и чужой.

От автора

Для реализации проекта были сделаны следующие предположения фантастического характера. Первое – к двадцатым годам XXI века Россия еще существует как единая держава. В пределах прежних границ. Второе – общая ситуация в стране нормализовалась относительно начала века.

Пожалуй, и все. Остальное – вещи более или менее реальные. Их воплощение в жизнь вполне вероятно в ближайшие десятилетия. В чем вы сможете убедиться сами.

Итак, к делу...

*...у меня тоже был один такой изобретатель... на бочку с порохом
его посадил, пуццай полетает...*

из к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»

Фрагмент 1

1

...За два дня до эксперимента испытательный корпус и полигон взяли под усиленную охрану. Из соседней части привезли две роты солдат, и те перекрыли округу, взяв под наблюдение все дороги, дорожки и тропинки.

Местный представитель госбезопасности за последние сутки выслушал около двух десятков приказов, наставлений, рекомендаций и советов. Звонки шли большей частью из Москвы, поэтому он не мог просто бросить трубку и уехать с места. И когда в день испытаний ему позвонили из городского отдела КГБ, он едва не послал их по прямому назначению. Но сдержался.

Руководитель проекта профессор Шепелев Михаил Андреевич – среднего роста седовласый старик шестидесяти шести лет – приехал на полигон во второй половине дня, за час до прихода трейлеров с установкой. Вместе с ним приехала большая группа инженеров, монтажников, наладчиков и операторов.

Чуть позже прикатили наблюдатели: представители министерства обороны, госбезопасности, заводов – поставщиков комплектующих. Их с трудом разместили в небольшой гостинице, единственной на весь город. Причем в условиях, далеких от понятия «нормальный».

Но они не жаловались.

* * *

– ...Осторожненько, осторожненько!.. За уголки не хватаетесь!.. Осторожненько! Главное, не уроните.

– Оттаскивайте быстрее, чего ждете?! Следующий несут.

– Куда тележки подевали? Кто за них отвечает?

– Я отвечаю.

– Где тележки?

– Где-где?! В п...е! С утра здесь стояли. Их, наверное, техники забрали. Свои коробки в корпус перевозят.

– Как так? Они же на нас записаны! Немедленно вернуть! Слышите, немедленно!

– Слышу, не глухой... Сейчас схожу.

– Ну, кто там принимать будет? Долго еще держать?!

– Осторожненько! Ради бога осторожненько! Уголки...

– Слышь, иди ты на хрен со своими уголками! Сами знаем, за что держать.

Шепелев наблюдал за разгрузкой из окна своего кабинета на третьем этаже корпуса. На суету грузчиков и техников, крики и ругань не обращал внимания. Привык. Во времена его молодости такой бардак при разгрузке стоял всегда. Не важно, что испытывали – агрегаты нового оружия массового поражения или щипцы для завивки волос.

Он сочувствовал хозяйственнику Ивану Бутягину, который носился среди этого бедлама, требовал, указывал, поправлял, получая в ответ матерки со всех сторон.

Монтировать установку начали ближе к ночи. Две бригады под руководством помощника профессора Дениса Гудкова работали над главным блоком, еще одна – над выносным. В пер

вом часу основной монтаж завершили. И сразу группа наладчиков приступила к тестированию установки.

К этому моменту наблюдатели уже покинули сборочный цех. Кто-то поехал обратно в гостиницу, а кто-то улегся в холле корпуса на широких диванах.

Шепелев, почти засыпая на ходу, упорно проверял работу подопечных, иногда заставляя переделывать уже законченные расчеты и вносить изменения в программы. Его опека слегка достала техников и наладчиков, но никто не смел возражать.

Авторитет профессора среди персонала был непоколебим. А созданная им установка вообще возносила Шепелева на вершину научного олимпа. Поэтому наладчики, услышав приглушенную скороговорку, торопливо кивали и выполняли все приказы руководителя.

– ... Двенадцатый, Двенадцатый. Что у вас за движение в двадцатом секторе?

– Это Двенадцатый. От леса к лугу пробежала лиса. Одна. За курами в деревню пошла.

– Отставить разговоры, Двенадцатый! И усилить наблюдение. Обо всех лисах, курах и воронах докладывать сразу. Не дожидаясь вопроса.

– Есть.

– Так-то. Шестой, Шестой. Не слышу доклада! Почему молчите?

– Шестой на связи. Все спокойно. Никакого движения в секторе не наблюдаю. Доклад через семь секунд.

– Хорошо, Шестой. Продолжайте наблюдение. Двадцать второй. Двадцать второй.

– ...

– Двадцать второй, блин! Где тебя носит?

– Виноват! Двадцать второй докладывает. Ведем наблюдение за группой лиц в секторе

А-сорок два.

– Что вы там забыли? А-сорок два вне зоны контроля. Что там?

– Там... кхм... люди...

– Точнее.

– Двое. У родника...

– Что делают?

– Это... кхм...

– Не понял!

– Лежат. Вместе... Один на другом. На другой...

– Двадцать второй, прекратите заниматься ерундой. Следить за обстановкой в своем секторе!

– Есть!

* * *

– А ну как рванет эта штукавина?

– С чего это?

– Да хрен ее знает! Сдуру.

– Сдуру только неопытный любовник на бабе одежду рвет. Шепелев пять лет работал над установкой. Он ее с закрытыми глазами без инструмента соберет. И запустит от батарейки.

– Если сработает, заказами НИИ будет обеспечен лет на сто. Денег выделяют без лимита.

– Выделят. Шепелеву.

– И нам перепадет. От нас комплектующие идут.

– Да. Если конкуренты не отнимут. Сейчас не прежние времена, рынок диктует условия.

– Обойдутся конкуренты. Наша аппаратура лучшая в России.

- Здесь – да. А в мире?
- Да кто ж позволит иностранным компаниям участвовать в создании супероружия?
- Ложиться пора, утром на полигон. Там и посмотрим на это супероружие.

2

Утром к корпусу потянулись машины и автобусы с наблюдателями, гостями и сотрудниками полигона. Длинная вереница машин встала у КПП корпуса, где десяток бравых парней в форме проверяли у всех документы. Контроль был строгий и занимал немало времени. Но никто не роптал. Понимали, что такой режим создан неспроста.

Через час все уже были в корпусе. Большая часть в холле, где установили три огромных монитора. Остальные в просторном кабинете Шепелева. Здесь стояли два монитора, одновременно показывающих главный блок и выносной, находящийся на полигоне.

– Все готово? – спросил профессора представитель военного ведомства, статный, бритый наголо генерал-лейтенант со звездой Героя России и трехрядной колодкой орденов под ней.

– Да. Установка собрана, отлажена и готова к испытаниям.

– Когда начнете?

– Еще немного. Звонили из Москвы, просили подождать какого-то высокопоставленного чиновника. Он будет наблюдателем от высшего руководства.

Генерал недовольно взглянул на часы и кивнул. Высшее руководство на то и высшее, что может опаздывать, сколько ему угодно.

За час до испытаний в небе над полигоном появились четыре самолета. Они начали выписывать сложные фигуры, оставляя за собой широченный след из желтоватой газообразной субстанции.

Субстанция растекалась по небу, заполняя собой огромный кусок пространства. Благодаря почти полному отсутствию ветра гигантское облако зависло прямо над полигоном, закрыв тем самым обзор со спутников. Иностранные разведки могли отдыхать. Аппаратуры, способной смотреть сквозь такое облако, у них не было.

Важный столичный гость прибыл за пятнадцать минут до начала испытаний. Черный низкопрофильный «мерседес» 910-й модели миновал КПП и мягко затормозил возле подъезда корпуса. Из передней правой дверцы вылез здоровенный парень с бычьей шеей и широкими плечами, одетый в черный костюм. Он спокойно оглядел двор сквозь черные очки, потом открыл правую заднюю дверцу.

Оттуда вышел тот самый высокопоставленный чиновник. Стоявшие у окна шепелевского кабинета гости смогли рассмотреть его, пока он шел к дверям корпуса.

Молодой. Непростительно, nepозволительно для чиновника такого ранга и наделенного такими полномочиями. Вряд ли ему больше тридцати. Дорогой, стильный, со вкусом подобранный костюм серо-стального цвета, ослепительно-белая шелковая рубашка, светло-серый в черную полоску галстук с золотой заколкой. Легкие черные туфли, надраенные, как медная труба.

Вид у чиновника холеный, ухоженный. Манеры, которым позавидует английская королева, и взгляд, достойный принца крови. Ходячий образец элиты общества, эталон совершенства, с детства воспитанный на птичьем молоке и никогда не слышавший странных и непонятных слов «нужда» и «бедность».

Рост высокий, фигура подтянутая. Тренажеры, бассейн, солярий, личный тренер, индивидуальная программа. Такие, как он, тщательно следят за своим здоровьем и всемерно берегут его.

Он возник на пороге кабинета, на миг замер, осматриваясь, потом вычленил из толпы Шепелева и подошел к нему.

– Здравствуйте. Меня зовут Дементьев Павел Николаевич. Я приехал по поручению Администрации, чтобы наблюдать за ходом испытаний вашего... изделия.

Речь его была плавной и до тошноты правильной. Хорошо поставленный тенор, без интонаций и эмоций.

Он пожал руку только профессору, остальным холодно кивнул и спросил:

– Когда вы приступите к испытаниям?

– Через пять минут. На этих экранах вы сможете наблюдать за ходом эксперимента.

Шепелев указал гостю на собственное кресло. Тот кивнул, опустил свой высокопоставленный зад на холодную кожу и опять обвел всех взглядом.

– Надеюсь, вы введете меня в курс дела?

– Да, конечно. Я буду комментировать все, что будет происходить на экране.

Вид и манеры чиновника всем пришлось не по вкусу, но никто не посмел высказать это вслух. Только генерал фыркнул себе под нос и отошел подальше. Таких холеных мерзавцев из «элиты общества» он презирал. Этот мальчик никогда не видел автомат и не знает, с какой стороны подходить к вертолету. Что может представлять собой человек, не прошедший суровую армейскую школу?!

Шепелев тронул кнопку селекторной связи и сказал:

– Внимание всем. Начинаем!

3

Команду руководителя сдублировали несколько диспетчеров. Через пять секунд в испытательном цехе мигнул свет. Большой куб, стоявший в центре цеха на подставке, начал немного подрагивать, вибрируя и издавая негромкий гул.

– Что это? – спросил чиновник, указывая на куб.

– Это главный блок установки эннотрона. Он состоит из двух основных частей. Накопитель накачивает плазменные до...

– Нельзя ли попроще? – поморщился чиновник. – Я не понимаю ваших терминов. Попробуйте рассказывать нормальным языком.

В дальнем от кресла углу раздался короткий смешок. Один из представителей смежного завода не сдержал себя, слыша откровенный бред из уст высокопоставленного гостя. Да и другие специалисты взирали на того с явным недовольством.

Здесь собрались люди, неплохо знающие технику. Хотя бы ее азы. И присутствие дилетанта на сугубо технических испытаниях вызывало у них недоумение и раздражение.

– Что ж, – вздохнул Шепелев, понимая, что от этого типа ему не отвертеться, – попробую по-простому. Хотя некоторые термины опустить не смогу.

Гость кивнул. Он сидел с прежним выражением лица, не обращая внимания на обстановку в кабинете и явную враждебность остальных гостей.

– Итак. Главный блок установки состоит из двух частей. В на копителе пучки плазмы получают энергию... – Профессора коробило от примитивности объяснения, но он мужественно терпел, ведя рассказ так, будто бы перед ним сидел дошкольник. – И с помощью генератора поля попадают в выносной блок. Он виден на правом экране. Выносной блок отстоит от главного на пять километров.

Взгляд гостя переместился на правый экран. На нем была видна конструкция, своим видом напоминающая гигантский пылесос, соединенный с тарелкой спутниковой связи. Высота конструкции достигала полутора метров, ширина – полметра.

Оболочка из темной стали и черного пластика. Ни одной блестящей детали, ни одного острого угла или выступа. Все сглажено, прилизано, словно устройство старательно обрабатывали напильником.

– Кхм!.. – откашлялся Шепелев. – Это выносной блок установки энизотрона. Он включает в себя приемную антенну, усилитель сигнала, добавочный ускоритель, разгонный блок и растр.

– А что такое энизотрон?

До начала эксперимента оставалось три минуты, а профессор тратил время на разжевывание элементарных вещей. Но делать было нечего. От этого чиновника во многом зависело, как примут энизотрон в верхних эшелонах власти и будет ли продолжена работа над установкой в последующем.

– Энизотрон – это установка, создающая особое поле, в котором частицы плазмы, получая ускорение, преобразуют...

– Я же просил попроще, – скривил губы чиновник.

– Да, конечно. Суть действия установки следующая. В разгонном блоке под воздействием... особого электромагнитного поля атомы плазмы получают мощный заряд энергии. После чего покидают выносной блок и летят в заданном направлении на скорости приблизительно в одну пятую от скорости света. При этом их температура достигает порядка пятнадцати тысяч градусов.

– И что?

– А дальше, встречая на своем пути препятствие из любого материала, пучок плазмы пробивает его насквозь. Не важно, что перед ним – лист бумаги, броня танка или железобетон. Пучок пробьет все.

– А потом?

– Ну, если это танк, то он исчезнет.

– Как это? – Судя по всему, гостя заинтересовали последние слова Шепелева, и он немного утратил высокомерный вид и снисходительность.

– Просто. Внутри танка образуется необычайно высокая температура, в которой сгорят люди, сдетонируют боеприпасы. Да и сама броня потечет, как вода.

Гость недоверчиво покосился на установку. Она не выглядела опасной и способной на такие фокусы.

– Итак, выпущенный пучок плазмы способен пробить любую броню. Причем не одного танка, а трех, пяти, двадцати. Все зависит от заданной энергии пучка. Уровень энергии регулируется оператором в зависимости от поставленной задачи. На минимуме пучок пробьет лист бумаги. На максимуме – обогнет земной шар раз десять. Снося все на своем пути.

Впервые на лице чиновника проступило обычное человеческое чувство. Чувство тревоги. Он поверил профессору.

– А... а зачем этот...

– Выносной блок?

– Да. Зачем он стоит на полигоне?

– Грубо говоря – это ствол. А казенник – это главный блок. Здесь пучки-снаряды получают энергию и попадают в «патронник».

– А как же они перемещаются туда?

– По наведенному полю, которое создает генераторный блок установки. Здесь это поле поддерживает усилитель. С передающей антенны главного блока пучки попадают на приемную антенну выносного блока, проходят через добавочный усилитель, который компенсирует потерянные проценты мощности при передаче, и вылетают через растр. Точно в цель. Это тоже наше ноу-хау. Таким образом, мы, расставляя выносные блоки, грубо говоря, на передовой, обстреливаем противника, а сердце установки и людей прячем в тылу.

Чиновник внимательно слушал объяснение, пытаясь уловить хоть что-то из того, что ему говорил профессор. И лихорадочно соображал, как и что будет докладывать начальству, когда приедет обратно в Москву.

– А-а... – напрягая мозги, подбирал он слова для следующего вопроса.

– Вы хотите спросить, какое максимально возможное расстояние от главного блока до выносного? – не скрывая насмешки, подсказал Шепелев.

– Да. Да, именно это я и имел в виду.

– На сегодняшний день расстояние – семь километров. Но мы планируем довести до ста.

– Центральный, – раздался над головами голос диспетчера. – Все готово. Просим разрешения на старт.

Шепелев оглянулся на гостей, увидел нетерпение на их лицах и чуть севшим голосом скомандовал:

– Старт!

Несколько секунд ничего не происходило. Монитор увеличил изображение выносного блока и мишеней на полигоне. Это были старый бронетранспортер, установленная вертикально железобетонная плита и дзот.

Потом раздался приглушенный рев, после чего мелко завибрировал главный блок, замигали индикаторы, подтверждая нормальную работу узлов и частей. Потом над установкой возникло марево розоватого цвета.

Через полминуты оператор произнес:

– Есть пятьдесят процентов накачки пучка.

Еще через двадцать секунд:

– Есть сто процентов!

И тут же диспетчер выкрикнул:

– Генератор включил поле! Возможна передача на выносной блок.

– Передачу начать! – внезапно осевшим голосом скомандовал Шепелев.

– Передача идет.

Внешне ничего не произошло. Только сгустилось марево над установкой, а гул генератора перешел на пониженный тон. В этот момент выносной блок тоже мелко завибрировал, заиграл индикаторами и легонько завыл.

– Передача завершена, пучок готов к старту, – доложил оператор.

Шепелев на миг оторвал взгляд от экрана и повернул голову к чиновнику. Тот сидел, сжав подлокотники, и не мигая смотрел на монитор. Нижняя челюсть немного отвисла, что придавало лицу комическое выражение.

– Огонь! – по-армейски скомандовал профессор, перенося взгляд в верхний правый угол монитора. Там была картинка мишеней.

А потом все произошло одновременно. В один миг исчез каркас бронетранспортера, железобетонная плита и амбразура дзота. На их месте полыхало пламя. Пучок плазмы имел запас энергии только на три цели, поэтому, преодолев последнюю, долетел до земляного вала, стоящего метрах в трехстах позади дзота, и угас в его недрах.

– Цели поражены! – разорвал тишину голос оператора. – Выносной блок разряжен, установка готова к генерации новых пучков. Все системы работают нормально, отклонений нет.

– Получилось! – выкрикнул кто-то из гостей и от избытка чувств заплодировал.

Его почин подхватили все. Чиновник pokrutil головой, глядя по сторонам, и довольно кивнул. Вид плавающих мишеней не оставил равнодушным и его.

«Получилось! – вытер мокрый лоб Шепелев. – Все как планировали. Пять лет каторжного труда увенчались успехом. Плазменная пушка готова!»

– Фиксирую угасание энергии пучка, – подал голос диспетчер.

– Михаил Андреевич, поздравляю! – вклинился в переговоры чей-то голос. – Это победа!
«Да. Это победа... – жадно глядя на горящие мишени, думал профессор. – О которой еще недавно мы и не мечтали...»

– Поздравляю, Михаил Андреевич! – подошел к профессору генерал. – Это потрясающе. Если армия получит такое оружие, мы оставим позади весь мир. Области применения такого оружия необычайно велики...

Шепелев склонил голову, принимая поздравления, и хотел было ответить, но в этот момент раздался голос оператора:

– Генератор главного блока не выключается!.. Сработал основной разгонный блок! Поле напряженности растет! Михаил Андреевич, поле растет! Я не могу отключить установку!

Шепелев мгновенно развернулся к монитору, нашел взглядом главный блок, увидел, как тот опять начинает вибрировать, вырабатывая энергию. Заработал генератор поля, розоватое марево, почти исчезнувшее, вновь начало окутывать установку.

– Отключайте питание! – Шепелев узнал голос Гудкова. – Вырывайте кабели!

– Выносной блок работает в режиме приема! – опять подал голос оператор. – Пучка нет, но он забирает энергию от генератора поля.

Шепелев стукнул по кнопке общей связи и прокричал:

– Обесточьте выносной блок! Немедленно!

– Что происходит? – спросил чиновник, глядя на суету вокруг. – Что?..

– Фиксирую трехкратное превышение энергии генератора поля! – искаженный голос оператора.

Раздался отчетливый хлопок. Что-то щелкнуло, треснуло, и с экрана монитора один за другим исчезли все три костра горевших мишеней. А затем исчез выносной блок.

Через час, когда силы безопасности оцепили не только полигон и корпус, но и все прилегающие районы, а персонал и приглашенные были временно изолированы в холле и кабинетах корпуса, дежурная смена зафиксировала остаточную напряженность поля в том месте, где стоял выносной блок. Установка до сих продолжала держать связь с пропавшим блоком. Однако обнаружить тот никак не могли.

К вечеру Шепелева хватил удар, и его увезли в больницу. С ним поехала бригада охранников из шести человек.

Через час после этого высокопоставленный чиновник отбыл в Москву. Остальных задержали для дачи показаний. Руководство объявило режим повышенной секретности и наложило на все разработки гриф недоступности.

4

Из показаний профессора Шепелева М.А.

«...Генератор поля создает коридор в пространстве, по которому пучок плазмы от главного блока попадает к выносному. В основе его положен процесс пробоя электромагнитных, магнитных и торсионных полей Земли. За счет генератора пучок в «законсервированном» состоянии почти без потерь энергии долетает до выносного блока.

В чем причина сбоя программы, я не знаю. На предварительных испытаниях генератор вел себя нормально...»

Из показаний старшего группы наладчиков Гудкова Д.А.

«...Генератор поля должен был выключиться сразу после передачи пучка плазмы. Время затухания активности около двух секунд. Но обычно он работал несколько дольше. Однако

всегда прекращал работу в течение пяти-семи секунд. Чем объяснить странный режим работы, я не знаю...»

Из доклада специальной комиссии по расследованию происшествия на полигоне НИИ.

«...Эксперимент можно считать успешным. Учебные цели поражены в заданное время с заданным результатом.

...Исчезновение целей и выносного блока установки произошло по неустановленной причине...

...Главный блок установки до сих пор продолжает функционировать в режиме ожидания, подпитываемый энергией собственного генератора.

...На месте выносного блока сейчас облако розоватого цвета диаметром две тысячи миллиметров. Попытки ввести в облако зонд из высокопрочной стали не принесли результата.

...Никаких иных катаклизмов на полигоне и в испытательном корпусе не произошло...»

Из рапорта начальника пятнадцатого управления КГБ председателю комитета.

«...На объекте «Т» установлен особый режим охраны. Задействованы силы местных органов и МВД. Дежурная смена инженерной группы работает под постоянным контролем...»

Специальная комиссия работала на полигоне шесть дней. Они проверили всю документацию по эксперименту, еще раз опросили участников испытаний, но не пришли к какому-нибудь определенному выводу.

НИИ, в котором работал Шепелев, получил задачу выяснить, что конкретно произошло во время испытаний и куда исчезли мишени и выносной блок.

Сам Шепелев, перенесший микроинфаркт, временно был отстранен от работы. Его помощник Денис Гудков возглавил вновь сформированный отдел и вплотную занялся проблемой исчезновения блока.

Президенту, бывшему в курсе хода испытаний и придававшему им особое значение, в подробностях доложили о результатах эксперимента и показали видеозапись.

Посмотрев, как исчезают в огне мишени и как потом буквально на глазах тает выносной блок, президент высказал свое мнение в выражениях, которые пресс-секретарь в последующем интерпретировал как «серьезная озабоченность и неудовлетворение, а также уверенность в конечном успехе исследований...»

Приблизительно столько слов высший государственный деятель и произнес. Но в печати можно было привести только несколько союзов и междометий.

Потом, чуть остыв, он добавил:

– Хоть год сидите около этого... облака, но установку почините! И чтобы работала как часы! Этому профессору создать все условия. На руках носите, лишь бы дал нам пушку!

Таким образом, Шепелев был реабилитирован и допущен к работе. Что самым положительным образом сказалось на его самочувствии. Но, к сожалению, не на результатах. Выносной блок никак не хотел возвращаться.

...Среди голосов и мнений солидных ученых затерялась идея одного инженера-практика, только пришедшего в НИИ. Как-то в небольшой компании на кухне за столом, приняв двести граммов коньяка (русские ученые таки дождались того дня, когда их оклад позволил покупать не самый плохой коньяк!), он высказал в пылу спора:

– Эта ваша установка, мать ее... и этот ваш генератор поля, и его мать!.. Задели то, чего задевать было никак нельзя!

– Что ты... имеешь в виду? – с трудом произнес один из собутыльников.

– То, что блок провалился либо в другое пространство... либо в другое время! Сделать-то его сделали, а на что он способен, так и не поняли!

По ночам облако на месте исчезновения блока светилось изнутри ярко-розовым светом, пугая охрану и разгоняя сновавших по лугу мышей. Чтобы вражеские спутники не засекали странное свечение, авиация продолжала распылять газообразную субстанцию в небе. Но теперь на гораздо большей площади. И не в одном месте. Дабы не привлекать внимание странными маневрами.

* * *

А из соседнего леса почему-то сбежали все зайцы. И волки. Зато поселились люди. Из группы прикрытия полигона. Розоватое облако их тоже пугало...

5

Как ни странно, но догадка безымянного инженера была близка к правде. Генератор поля в совокупности с генератором накачки сумел пробить пространственно-временной континуум. И изменить вектор времени. Проще говоря, горящие мишени и выносной блок ухнули в прошлое. Причем их разнесло по разным эпохам.

Бронетранспортер, точнее то, что от него осталось, возник посреди ночного бивака казачьего отряда, до икоты перепугав следившего за лошадьми молодого казака. И лошадей, конечно.

Горящий столб пламени возник всего на пять секунд, а потом исчез. Казак потом доказывал товарищам, что видел ангела, сошедшего с небес в столбе огня, но походный атаман и другие подняли его на смех. И посоветовали меньше пить горилку.

В шестнадцатом веке к чудесным явлениям относились с известной толикой скептицизма. Особенно такие сорвиголовы, как донские казаки.

А бронетранспортер продолжал путешествие в глубь веков, успев напугать по пути отряд крестоносцев, возвращающихся из крестового похода, римскую когорту, двух охотников из племени протославян, стадо мамонтов, саблезубого тигра и детеныша стегозавра.

Дабы не возникло впечатления, будто все перечисленные представители фауны в разное время оказывались в одном и том же месте, добавим, что бронетранспортер совершал скачки не только по временной шкале, но и в пространстве.

Приблизительно так же сложилась судьба и у железобетонной плиты и бывшего дзота. Свидетелями их окончательного сгорания стали люди разных эпох, а также звери и птицы и даже гигантские бронтозавры.

Наконец, бывшие мишени сгорели окончательно и закончили свой путь где-то в середине юрского периода. Каждый совершил по полтора десятка скачков, оставив иногда неизгладимый, а иногда и незаметный след в эпохах.

Сложнее вышло с выносным блоком. Его сразу кинуло на сто миллионов лет назад. А потом еще на триста. Он застрял на вершине горы, впаянный в лед.

Отличная сталь, защищенная от коррозии и не подверженная деформации, помогла сохранить начинку во время перемещений. Блок угнезвился на горе и продолжил работу, связанный с установкой невидимыми узлами даже через столько лет. И пока работала установка, работал и блок, получая достаточно энергии для поддержания режима ожидания.

Но исчезновением мишеней и выносного блока дело не ограничилось. Одновременно в разных точках планеты и в разное время возникли аномальные зоны неустойчивого континуума.

Эти дыры появлялись и исчезали с неравными промежутками времени. Часть из них никто никогда не обнаружил, потому что возникали они в малозаселенной местности. Но часть возникала в городах и поселках. И люди начали пропадать среди бела дня. С тем, чтобы потом вернуться или застрять в другом времени навсегда.

Это уже было не смешно. Это была трагедия...

Фрагмент 2

1

Октябрь 2000 года. Чечня, Грозный. 21:30

...Султан Камхоев, бывший командир одного из отрядов защиты ислама, пробирался по заваленным улицам разрушенного города, выбирая самые темные и безлюдные места. Впрочем, темными в Грозном были почти все улицы. А вот безлюдными – только часть. В самых неожиданных местах можно налететь на разведгруппы федералов, кого-нибудь из местных жителей или бойцов из отрядов собратьев по оружию. Встреча с последними, понятное дело, не грозила ничем, но Султан не хотел, чтобы его вообще кто-либо видел.

Он крался вдоль погруженных во мрак полуразрушенных коробок домов, преодолевая завалы на дорогах и время от времени зажимая нос рукой. Трупы людей и животных, давно сгнившие, издавали непереносимый запах, выдержать который мог далеко не каждый человек.

В другое время Султан без крайней необходимости и не подумал бы лезть в этот город, где полным-полно проклятых федералов, где улицы и дома нашпигованы смертоносными ловушками в виде мин, растяжек и неразорвавшихся снарядов. Или в крайнем случае попросил бы помощи у братьев из других отрядов. Но нужда заставила его рисковать собственной головой. Нужда и ненависть.

Еще пять дней назад он командовал отрядом из пятидесяти человек. Пятидесяти закаленных, опытных воинов, прошедших с ним не один бой и сражавшихся с оккупантами еще с девяносто пятого года. Еще пять дней назад его имя уважительно произносили самые влиятельные командиры сопротивления, и даже сам Шамиль с похвалой отзывался о Камхоеве как о талантливом воине и командире.

Но пять дней назад все рухнуло в один момент. Его отряд, посланный командованием для выполнения важного задания, попал в засаду. Как потом понял Султан, тут не обошлось без предательства кого-то из своих, слишком уж плотно обложили их гяуры.

Султан, как опытный командир, сумел вывести часть людей из-под обстрела, но они почти сразу попали под удар еще одного отряда русских. В результате из пятидесяти воинов к своим вышло всего девять человек. Половина из которых была ранена. Пуля настигла и Султана, ужалила в плечо, но он, убитый горем, даже не обратил на нее внимания.

Такого провала он еще не знал и теперь от стыда и ужаса готов был переступить Коран и пустить себе пулю в висок. Его авторитет резко упал, и никто теперь не доверит неудачнику не то что отряда, а даже двух человек.

Отряд Камхоева напрямую подчинялся Басаеву, и от него Султан ждал решения своей участи. Но Шамиль не спешил с вынесением приговора: видимо, не знал, как поступить. Или был занят.

И вот в этот момент Султан узнал, что предатель Ичкерии и всего чеченского народа, его кровник, приехал в Грозный. Причем обнаглел до того, что поселился в своем старом доме.

Сказав своим уцелевшим людям, куда он отправляется, Султан в тот же день поехал в Грозный. Два дня у него ушло на то, чтобы доехать до окраин города. Здесь он встретил дальних родственников и от них узнал обстановку. А вечером пошел в Грозный. Один. Не взяв с собой проводника, хотя родственники настаивали.

Султан шел на смерть. Он хотел умереть, чтобы искупить вину перед братьями по оружию, Аллахом и собой. Но только после того, как предатель будет убит. Тогда все скажут: «Он поступил как мужчина и не опозорил свой род. Он выполнил священный обычай кровной мести. Он заслужил прощение...»

Об этом и мечтал бывший полевой командир, а ныне просто чеченский воин, защитник веры Султан Камхоев, подхитивший сейчас все ближе к дому предателя.

Улица большей частью уцелела, по крайней мере четыре дома на левой стороне дороги выглядели почти целыми. И как ни странно, кое-где в окнах горел свет. Видимо, жильцы пользовались дизель-генераторами.

В этом районе сейчас жили те, кто предал свой народ и служил неверным. И сами неверные из числа федералов. Здесь же было наибольшее количество блок-постов и комендатур. Султан давно бы попал им в руки, если бы не подробные указания родственников, тщательно обрисовавших путь.

Нужный дом он нашел сразу. Угловая пятиэтажка с аркой в центре и уцелевшими дверьми в подъездах. Потратив двадцать минут на наблюдение, Султан выяснил, что вокруг дома никого нет, федералов не видно и что в доме по крайней мере в семи квартирах кто-то живет.

Искомая квартира во втором подъезде, рядом с аркой. Это хорошо, если что – можно уйти через нее. По привычке Султан проверил оружие – автомат, пистолет ТТ, гранаты и кинжал. С таким арсеналом, с его опытом, он мог противостоять десятку врагов.

Осторожно, то и дело оглядываясь, он дошел до подъезда. Прислушался. Из одного окна, где горел свет, слышна музыка. Пел женский голос на русском языке. «Гяуры, – с ненавистью подумал Султан. – Устроились с комфортом, пьют, слушают музыку, отдыхают! И думают, что захватили наш город. Ничего, им еще подышать под нашим огнем. И проклинать тот день, когда они решил прийти сюда!»

Повесив автомат за спину, он достал пистолет и навернул глушитель. Работать лучше им, чтобы не создавать шума. А еще лучше кинжалом. Чтобы насладиться видом истекающего кровью предателя.

Он осторожно потянул на себя дверь и шагнул в глубь коридора. В кромешной темноте нашарил ручку второй двери и дернул ее. В этот момент пол ощутимо трянуло. Словно землетрясение качнуло дом.

Не понимая, что происходит, Султан замер на месте, прислушался. Все было нормально. И дом вроде стоял крепко. Повторных толчков не последовало.

Наверное, от усталости, решил он. Двое суток подряд он спал по полтора часа и устал до предела. Вот слабость и дает о себе знать. Но у него хватит сил свершить задуманное!

Он опять потянул дверцу на себя и сделал шаг вперед. И тут же остановился. В подъезде горел свет. Неяркая лампочка ватт на сорок слабо освещала лестницу и пролет между этажами. Однако и этого света хватало, чтобы разглядеть обстановку.

Султан прошел один лестничный пролет, потом второй. На следующем этаже тоже горела лампочка.

Вот так дела! У них даже в подъезде проведено освещение. Шикуют русские. Совсем обнаглели. Думают, что теперь все можно!..

Султан поднимался по лестнице, обращая внимание на хорошо сохранившиеся двери квартир. Даже номера на месте. И вообще здесь очень чисто. И стекла не выбиты. Или русские специально их вставили?

Дойдя до четвертого этажа, он остановился. Нужная ему дверь – крайняя слева. Именно там живет его кровник. Султан подошел ближе, встал напротив, унимая дыхание и успокаивая нервы. Вершить правый суд надо с холодной и ясной головой. Гнев – плохой помощник.

Султан вспомнил лицо предателя. Хорошо знакомое лицо. Ведь когда-то тот был близким другом отца Султана. Знал их семью, даже знал его самого, правда, тогда будущий полевой командир был совсем ребенком.

В прежней жизни предатель был районным начальником, уважаемым человеком. И до своей измены пользовался авторитетом в городе. Даже странно думать, что теперь он – отступник.

Султан вздохнул, поправил ремень автомата на плече и решительно постучал в дверь. И только сейчас заметил кнопку звонка с правой стороны. Даже она уцелела.

Аллах явно был на стороне Султана. Потому что дверь открыл предатель собственной персоной. В свете лампочки Султан отчетливо разглядел его лицо. И увиденное немного смутило мстителя.

Когда Камхоев последний раз видел предателя, тот выглядел сильно постаревшим, с седой головой. И фигура была сгорбленной, и взгляд потухший.

А сейчас перед Султаном стоял еще не старый мужчина с гордо развернутыми плечами, прямо посаженной головой и твердым взглядом. И волосы были черные, только виски едва припорошены белым. На нем темно-серая в полоску двойка, белая рубашка, галстук.

Как такое могло быть, Султан не понимал. Неужели прислужник гяуров сделал пластическую операцию на омоложение?

Султан все рассматривал врага, на миг забыв о цели прихода. И враг смотрел на незваного гостя. И в его взгляде было больше непонимания, чем в глазах визитера.

Странная форма с разноцветным рисунком. На голове черная спортивная шапка. На ногах странные ботинки наподобие коротких сапог. В руке пистолет, на плече автомат, на поясе две гранаты. Взгляд недобрый и немного растерянный. Лицо как будто знакомое.

– Кто ты? Что тебе надо? – спросил предатель. Спросил на русском.

И от звучания чужой речи Султан очнулся. И забыл о странностях. Он пришел мстить, а не рассматривать врага. Пусть тот проведет хоть сто операций, от праведного суда ему не уйти.

– Я пришел за твоей жизнью, шакал! – громко сказал Султан, поднимая пистолет. – Я хочу, чтобы ты ответил за предательство и смерть моего родственника.

Хозяин дома, напуганный странными речами и направленным в грудь оружием, отступил назад, в коридор. Визитер явно пришел не с добром. Но что ему надо?

Впрочем, хозяин был чеченцем, мужчиной, а они привыкли встречать опасность с прямой спиной. Честь и гордость обязывают.

– Кто ты? – повторил он вопрос. – Что тебе надо в моем доме?

– Твоя жизнь. Твое сердце, шакал! Я вырежу его и скормлю собакам, что бегают по разрушенным улицам города!

Султан надавил глушителем на грудь предателя, и тот отступил еще дальше. Испуг с его лица исчез, глаза полыхнули огнем, а ноздри раздулись. Он явно пришел в себя.

– Я не знаю, кто ты. За что ты хочешь меня убить? За какое предательство? Назови себя, если ты мужчина!

– Назову! – продолжал толкать врага в грудь Султан. – Я назову себя в тот момент, когда начну вырезать твое сердце! Чтобы ты знал, от чьей руки подышаешь!

Хозяин дома все отступал под напором визитера, и в конце концов они вышли в большую комнату, залитую ярким светом. В центре комнаты стоял длинный стол, а за ним сидело десятка полтора человек. Причем не только мужчины, но и женщины.

Султан от неожиданности опустил пистолет и взглянул на людей. Он сразу отметил женщин, что не лезло ни в какие рамки. Но еще более в эти рамки не лезли четверо русских. Причем один из них был в милицмейской форме с погонами капитана. Еще один мент – майор – был чеченцем.

Но самое большое потрясение ждало Султана дальше. Рядом с окном сидел... его собственный отец. Ахмед Камхоев. Спутать отца с другим человеком Султан не мог ни при каких обстоятельствах. Хотя он и родителя не сразу узнал.

Ахмед Камхоев сейчас был в дальнем горном селении. Он с трудом ходил и редко покидал дом. Его лицо изборождено шрамами, на левой руке нет двух пальцев, а правая нога плохо гнется. Отец Султана попал под бомбардировку федералов и чудом уцелел. Его вытащили друзья и после полугодового лечения переправили к родне.

А здесь Султан увидел отца таким, каким помнил с детства. Здоровым, сильным, молодым. И улыбающимся. После начала войны отец ни разу не улыбнулся, а сейчас растянул губы и что-то говорил сидящему с ним русскому.

Вид одетого в странную форму вооруженного человека привел сидящих за столом в замешательство. Разговоры стихли, взгляды сошлись на визитере.

– Что происходит? – спросил русский милиционер. – Кто ты такой?

Султан почувствовал сильную дрожь, пистолет заплескался в руке, стало неудобно. Он ощутил, что сходит с ума. В этот момент встал его отец, подошел к хозяину дома и строго произнес:

– Зачем ты пришел с оружием в мирный дом? Ты бандит?

Ствол заплескался еще сильнее, глаза Султана заволочило туманом. Непослушными губами он сказал:

– Отец! Отец! Я пришел покарать изменника! Он... стал псом у русских... он предал наш народ!

Ахмед Камхоев злым взглядом смерил незнакомца, что посмел назвать его отцом, резким движением руки отвел оружие от груди хозяина дома и воскликнул:

– Как смеешь ты так говорить о хозяйне дома и о наших друзьях?! Ты спятил? Где ты взял оружие?

Мир рушился на глазах Султана. Этого не могло быть, отец не должен здесь сидеть, русские не могли так спокойно вести себя... О Аллах, что происходит?

Взгляд лихорадочно метался по квартире, встречая взгляды гостей, и скользил дальше. Султан вдруг заметил телевизор. На экране было лицо, знакомое по той, прежней жизни. Лицо главы государства. Горбачева. Тот что-то говорил о перестройке. И о мирных переговорах с США.

Русский капитан встал, подошел к хозяину дома и Ахмеду Камхоеву и, строго глядя на Султана, сказал:

– Отдай оружие и сядь! С тобой разберутся в отделе.

– Нет! – Пистолет уперся в грудь капитану. Султан всхлипнул и взял себя в руки. – Нет, русская собака! Я тебе его не отдам. Не для того я убивал вас, чтобы отдавать оружие!

– Что ты мелешь? – закричал его отец. – Ты, недостойный шакал! Как ты смеешь?..

– Отец! – едва не плача, закричал Султан. – Отец, я твой сын Султан! Ты меня не узнаешь?

– Спятивший кретин! Моему сыну Султану тринадцать лет! Он дома учит уроки! А ты, шакал, пришел в мирный дом с оружием! Как ты посмел нарушить закон и обычаи нашего народа?!

– Отец!..

Слезы душили Султана. Его голова раскалывалась от тщетных попыток понять происходящее. Этого не могло быть! Этого не могло быть никак! Но это есть. Здесь и сейчас...

– Сдай оружие! – Милиционер-чеченец тоже встал из-за стола, вытащил из кобуры пистолет и направил его на Султана. – И не делай лишних движений!

– ...Встреча с американским президентом показала, насколько близки могут быть взгляды двух сторон на проблемы безопасности в мире... – вещал с экрана давно покинувший свой пост президент. – И сейчас, за три месяца до нового, восьмьдесят восьмого года, мы можем договориться не только о запрете на ядерные испытания, но и...

Султан уловил последние слова президента, судорожно глотнул воздух ртом и отступил на шаг. Он перестал вообще что-либо понимать.

– Отец! Я твой сын Султан. Это ты мне выстругал саблю, ты посадил первый раз на коня! Я...

Он взглянул на отца и почувствовал, что не может больше говорить. Рванул ворот куртки, вздохнул и вдруг, ни слова не говоря, бросился прочь из квартиры.

Когда за странным визитером захлопнулась дверь, хозяин дома, белый как полотно, повернул голову к милиционеру и просипел:

– Что это было? Какой-то бандит...

– Этот подонок назвал себя моим сыном! – не успокаивался Ахмед Камхоев. – Он спятил!

– Да. – Милиционер потер шею и странно взглянул на Камхоева. – Но я бы сказал, что он похож на тебя, Ахмед. Не очень сильно, но похож. Глаза те же и нос.

– Что будем делать? – спросил коллегу милиционер-чеченец. – Надо вызвать наряд и сообщить в отдел о вооруженном бандите. Откуда он только появился?

– Я позвоню, – сказал капитан. – Пусть разошлют ориентировку.

Султан бежал по ступенькам вниз, то и дело врезаясь в стены. Глаза застила мутная пелена, в голове стучало словно работали отбойные молотки. Грудь ходила ходуном.

Он тщетно искал объяснение произошедшему и не мог найти. Такое впечатление, что он нырнул в прошлое, заглянул на тринадцать лет назад. И увидел своего отца. Отец!..

Перед дверью подъезда он остановился, вытер лицо рукавом и попробовал привести мысли в порядок. Но ничего не вышло. В голове по-прежнему шумело, мозги закипали в тщетной попытке понять, осознать.

Двигаясь на автомате, он шагнул за порог, и в этот момент его опять тряхнуло. На этот раз сознание не выдержало удара, и Султан рухнул прямо на пороге.

Здесь его и нашли утром выехавшие на патрулирование омоневцы. Форма, оружие и внешний вид красноречиво говорили, что им в руки попал боевик. Загрузив его в БТР, они поехали обратно в комендатуру.

Когда его выводили из бронетранспортера, Султан пришел в себя, понял, куда угодил, и попробовал бежать. Отчаяние придало силы, он смог свалить с ног двух омоневцев и даже сорвать у одного с пояса гранату. Но вытащить чеку не успел. Пуля настигла раньше. Она пробила лопатку, чуть изменила направление и вошла точно в сердце. Султан умер сразу, не успев толком почувствовать боль.

А перед глазами все стояло молодое лицо отца. И его добрая улыбка...

2

...Июль 2020 года. Средняя полоса России. Полдень.

На последний день учений в местной воинской части были запланированы стрельбы танкового батальона. На это меро приятие приехало посмотреть не только армейское начальство, но и представители танкостроительного завода, администрации региона, ну и, конечно, журналисты. Ожидаемое зрелище было достойно, чтобы на него собралось столько народу.

За последние пять лет новыми танками Т-96 была укомплектована половина частей постоянной готовности. Танк по своим совокупным характеристикам превосходил любые модели иностранных танков. Огневая мощь, броня, мотор, маневренность, спектр решаемых задач...

Потенциальные противники (за последние годы так и не ставшие друзьями) готовы были заплатить любые деньги за техническую документацию по нему. Но возрожденный КГБ стоял на страже секретной информации. Последнего шпиона обезвредили буквально за месяц до учений. Тот нес уэсбишку с данными по танку. Донес и почти отдал английскому дипломату. Тут их и скрутили. Съёмка, сенсация, дипломатический скандал, высылка представителя посольства и пожизненный срок предателю. Так-то. Теперь с этим строго...

По плану сначала был бой с марша, потом штурм укрепленного района при поддержке танков. На десерт оставили боевые стрельбы двух рот на полигоне. С места, с ходу, при преодолении водных преград, по нескольким целям и т. д.

Взвод лейтенанта Кравцова получил отдельную задачу – совершить марш от деревни к полигону, проведя разведку местности в интересах батальона. Три танка пылили по грунтовой дороге, обходя по дуге чащу, чтобы потом проскочить вброд мелкую речушку и выйти к рубежу со стороны курганов. Посредники специально выбрали этот маршрут, чтобы проверить умение механиков-водителей управлять танком на сильно пересеченной местности.

Следом за танками шел БТР-92 с отделением разведчиков. Они должны проверить дорогу, а при необходимости помочь отразить внезапную атаку противника, когда танкисты, также по условиям учений, будут устранять неисправность ходовой части танка.

Как и танкисты, пехота имела полный боекомплект. На этой фазе учений стрельба шла только боевыми.

Головной танк с бортовым номером 118 миновал мелкий овраг, вышел к опушке чащи и встал. Володя Кравцов поднял верхний люк и наполовину вылез из башни. Глянул назад. Машины сержантов Пестрикова и Лапшина только подходили к оврагу. За ними метрах в ста пылил бронетранспортер. Комбат майор Васнецов подстраховался и вместо нового командира отделения послал с броней старшину Завадского – опытного разведчика, контрактника третьего срока. Старшине было за тридцать, хотя на вид и не дашь столько. Строен, подтянут, заряжен энергией.

Это он посоветовал Кравцову срезать дорогу и пойти по краю чащи. Лейтенант сразу принял предложение. Старшина местность знал как свои пять пальцев, давно излазил полигон вдоль и поперек. А Кравцов прибыл в часть всего полгода назад.

Подождав, пока танки и БТР подъедут ближе, лейтенант включил радиостанцию.

– До цели три кэмэ. Комбат приказал не выходить на главную дорогу, она заминирована. Пойдем вдоль чащи. Не исключено, что там засада. Поэтому разведка должна проверить придорожные кусты и все подозрительные места. При обнаружении условного противника – сигнал три девятки. С ними должен быть посредник, он отведет засаду, а нам засчитает очки. Пока пехота работает, мы прикрываем. Всем ясно?

– Ясно, командир, – откликнулся старшина.

– Так точно, товарищ командир, – вторили ему сержанты.

– Тогда по местам. БТР вперед, Лапшин – левый фланг, Пестриков – правый. Пошли.

Три танка разошлись веером, беря под наблюдение отведенные сектора, а БТР пополз вперед, забирая вправо, чтобы подойти к кустарнику, что шел вдоль края чащи на всем ее протяжении.

Пройдя метров триста, машина сбавила ход. Из десантного отсека начали выпрыгивать разведчики и разбегаться в стороны.

Пехота никого не обнаружила. Условный противник не решился устраивать здесь засаду. Проверив для очистки совести все подходы к краю чащи, старшина отдал приказ осмотреть дорогу на предмет противотанковых мин. Чем черт не шутит, пока посредник спит!

Но и мин не нашли. Чисто. Так Завадский и доложил лейтенанту. Тот обрадовался и дал приказ на выдвижение. Пропустив танки вперед, разведчики двинули за ними следом, бдительно следя за тылом. Вдруг кто да вынырнет...

Взвод проскочил подозрительный участок дороги и уже выезжал к давно брошенному хутору, когда под танками дрогнула земля.

Кравцов как раз рассматривал в бинокль полуразваленный дом с выбитыми оконными рамами, оторванной дверью и разрушенной трубой на крыше. Удар едва не вышиб у него оптику, левый локоть больно ударился о край люка, а зубы громко лязгнули.

– Ты что, Колька, совсем охренел?! – крикнул он в шлемофон механику-водителю. – Рулить разучился?

– Да это не я, товарищ лейтенант, – отозвался тот. – Мы вроде как на мину наехали. Учебную.

– Восьмой, я Двадцатый, – вызвал лейтенанта сержант Лапшин. – Нас что-то ударило снизу. Словно противопехотная сработала!

– И меня тоже, – подал голос Пестриков.

– Двадцатый, не видел, под нами ничего не рвануло?

– Нет. Не видел ничего.

– Командир, – вышел в эфир Завадский, – нас тоже тряхнуло. Как кувалдой по днищу врезали. Но на мины не похоже.

Старшина знал о минах достаточно, чтобы утверждать, поэтому Кравцов поверил сразу. Помедлив, спросил своего механика:

– Как движок и ходовая?

– Все в норме.

– Двадцатый, Двадцать первый, Сороковой, доложите о состоянии техники и личного состава.

Кравцов потер локоть. Наверное, синяк будет. Что же могло потряхнуть сорокадевятитонную машину? Землетрясение?

Доклады подчиненных успокоили. Техника в норме, личный состав отделался двумя синяками, одним прикушенным языком и ссадиной на лбу.

– Ладно. Продолжаем движение. До исходного рубежа полтора кмэ. Посему предельное внимание. Как выходим к ориентиру пять, боевое построение. Всем ясно?

– Так точно.

– Пошли.

Отдаленный гул канонады он услышал сразу, едва танки перевалили через взгорок. Судя по всему, работала артиллерия. Правда, грохотало слишком сильно, словно бил не один дивизион. А потом над головой послышался странный шум. Кравцов слышал такой всего пару раз. Когда, будучи курсантом, ездил на аэродром прыгать с парашютом. Так ревели моторы спортивных винтовых самолетов. Но откуда эти самолетики здесь? В учениях принимала участие только армейская авиация – вертолеты Ка-54 и транспортники Ми-17М.

И еще одну странность отметил лейтенант. С экрана командирского компьютера исчезла карта местности. По ней через спутник он отслеживал свое перемещение и весь маршрут. Сейчас же на экране мерцала надпись: «Сбой связи».

Новая навигационная система только поступила в войска, и к ней пока привыкали. Возможно, Кравцов по неопытности сбил настройку? Но тогда бы комп выдал сигнал ошибки.

– Командир, – вызвал его Завадский. – У меня пропала связь с комбатом. Не могу докричаться. И вообще на наших частотах тишина. Попробуй по своей станции выйти на кого-нибудь.

– Сейчас, – ответил лейтенант, щелкая тумблером. Ему вдруг стало неудобно. Странный сбой программы, тишина в эфире – что это значит?

Около минуты он вызывал сначала ротного, потом комбата, потом своего друга Гришку Кольцова – командира первого взвода. Но никто не отвечал. Словно все исчезли.

Чувствуя легкую панику, Кравцов вытер внезапно взмокший лоб и нажал тангету.

– Всем. Не могу связаться со штабом. Возможно, сбой связи. Поэтому до выяснения обстановки приказываю отойти обратно к чаше и встать там.

– Командир, – откликнулся Завадский. – Это может быть работа РЭБ.

Кравцов наморщил лоб. Об этом он не подумал. Старшина прав, руководство вполне могло усложнить задачу, чтобы посмотреть, какотреагируют исполнители. А могло и «ядерным ударом» уничтожить штаб. Тогда на плечи младшего офицерского состава ложится весь груз ответственности. Стрельбы должны быть проведены в любых условиях.

Но о применении ОМП должны были предупредить. Хотя бы провести имитационный взрыв.

Думай, лейтенант, думай. Ошибиться нельзя. За ошибки наказывают. И за отсутствие инициативы тоже.

Кравцов снял шлемофон, опять вытер лоб и, глядя на приближающуюся стену чаши, оценивал обстановку. Связи нет. Комп молчит. Километрах в десяти – пятнадцати грохочет канонада. Значит, учения идут своим ходом. Правда, грохот почему-то слышен слева, а танковая директриса, наоборот, справа от дороги. Поменяли? Сомнительно... И это назойливое жужжание винтовых машин. Сейчас они исчезли, но пару минут назад еще ныли над ухом.

Лейтенант в очередной раз глянул по сторонам. Все было как прежде. Но что-то не так... Что именно, он понять не мог, но ощущение изменения продолжали давить на нервы. Куда, например, исчез тот полуразрушенный домик? И сгнивший сарай? И несколько яблонь, что росли рядом с упавшей оградой?

Танки встали звездой, занимая круговую оборону. БТР притормозил у ямы, здорово похожей на воронку от бомбы или снаряда.

Кравцов вылез из танка и прыгнул на землю. Прошел несколько шагов, разминая ноги. К нему подошли командиры танков и Завадский.

– Что будем делать, командир? – спросил старшина.

– Не знаю. Похоже, что действительно сработала РЭБ. Только... у меня такое чувство, что мы заехали куда-то не туда.

– Куда? Я постоянно проверял курс по навигатору. Мы на полигоне, в двух километрах от стрельбища. Правда...

Старшина показал небольшой прямоугольник устройства. На его экране мелькала надпись: «Поиск спутника».

– Потух, – констатировал Завадский.

Лейтенант вздохнул и повернулся к сержантам.

– А вы что думаете?

Те глянули друг на друга и одновременно пожали плечами.

– Мне кажется, – сказал Лапшин, – все началось после того толчка.

Сержант замялся, словно не зная говорить или нет, потом поднял глаза на командира и продолжил:

– Пашка, мой наводчик, слушал радио по плееру. Я разрешил, пока шли...

Кравцов нахмурил брови, собираясь сделать нагоняй за нарушение дисциплины на марше, потом махнул рукой:

– Продолжай.

– Так вот. Он говорит, сразу после толчка радио вырубилось.

- Если глушат, так и должно быть, – сказал старшина.
- И еще, – подал голос Пестриков, – я в детстве увлекался моделированием. Ну, самолеты собирал, танки, корабли.
- И что?
- А то, что пять минут назад я видел Ла-5. Это советский истребитель времен Великой Отечественной.
- Точно? – с сомнением спросил старшина.
- Точно. Он шел на шести сотнях метров. «Лавочкин» это.
- Во черт! – потянул руку к затылку Лапшин. – Кто это пустил реликвию летать над полигоном? Неужели эти... из исторического клуба обкатывают раритет?
- Ладно, дело ясное, что дело темное. Связи со своими нет, спутник молчит. Радио тоже. В небе шастает истребитель-ветеран. Но канонада громыкает. А значит, учения продолжаются. Посему, – лейтенант сделал паузу, обводя подчиненных взглядом, – принимаю решение: идем к стрельбищу. Предельно осторожно. Обнюхивая буквально каждый куст. И не отвлекаясь на музыку и прочие забавы.
- Лапшин хмыкнул – камень был в его огород. Лейтенант не мог пропустить факт явного нарушения приказа, однако в такой обстановке ограничился шпилькой в адрес виноватого.
- Порядок следования такой: я первый, за мной Пестриков. Потом старшина. Замыкает Лапшин. В случае появления условного противника дать красную ракету – обозначить обнаружение и открытие огня. Вопросы?.. Нет. По машинам.

3

- Чужой танк он заметил, когда его машина вырулила из-за крайних деревьев на очередной взгорок. А через секунду увидел еще один. И еще.
- Стой! – машинально подал он команду.
- Танк вздрогнул и замер. Метрах в сорока за ним остановился танк Пестрикова. А следом и БТР, и замыкающая машина.
- Вижу... – Лейтенант хотел было сказать «условного противника» или «наших» в зависимости от наличия синего или зеленого вымпела на башне, но его смутил странный вид машин.
- Что-то смутно знакомое было в них, но сейчас Кравцов не мог сказать, что именно. Угловатый силуэт, никаких наклонных плоскостей, калибр пушки маловат, гусеницы довольно узкие. И вымпелов не видно.
- Мало того, Кравцов насчитал три типа странных машин. Первый (три танка) – довольно большие, тяжелые. Второй (четыре танка) – немного уступают первым в размере, явно легче. И третий (два танка) – приземистые, низкие. С длинной пушкой.
- Девять машин медленно ползли со стороны стрельбища к чаще. Замыкали колонну два грузовика неизвестной модели.
- Что за черт? Что это такое?
- Между тем неизвестные танки сокращали расстояние. До позиций взвода Кравцова им оставалось пройти чуть больше полутора километров.
- Товарищ лейтенант, – вызвал его по радиостанции Пестриков. – Это немецкие танки! Я узнал их. Я ведь занимался моделированием...
- Да, ты говорил. Какие немецкие, Витя? – назвал сержанта по имени Кравцов. – Откуда посреди учений немецкие танки? И потом, у немцев «леопарды». А не это... железо. Ты посмотри, броня гомогенная, однослойная, никаких намеков на разнесенный вариант или активную. Калибр пушек явно меньше ста миллиметров. И эти прямоугольные силуэты...

– Товарищ лейтенант, это немцы! Точно! Впереди «тигры», PzVI. За ними PzIV серии G. А потом два штурмовых орудия StuGIII серии F.

В знаниях сержанта Кравцов не сомневался. Но как это немецкое ретро появилось здесь?

– Может быть, ты подскажешь, откуда они выползли?

– Н-не знаю, товарищ лейтенант.

– Командир, – влез в разговор Завадский, – это точно немцы. Я помню по кино.

Ах, кино! Теперь и лейтенант вспомнил, где видел подобные танки. Но это ничего не объясняет.

– Товарищ лейтенант, – подключился к разговору Лапшин. – Может, командование устроило шоу? Пригнали старые танки, самолеты? К финалу учений? Раз приехало столько гостей, решили показать представление...

Мысль, не лишенная здравого смысла. По крайней мере она объясняет, откуда здесь древняя техника. Но как объяснить пропажу связи? И другие нестыковки?

Между тем опознанные немецкие «панцеры» также медленно ползли по дороге, постепенно приближаясь к танкам Кравцова. Если это шоу, они подойдут ближе и разьяснят наконец обстановку.

Кравцов хотел отдать приказ выйти вперед, чтобы встретить странных гостей, но в этот момент передний танк повернул направо по ходу движения, и взгляду лейтенанта предстал борт машины. Украшенный большим крестом. Пройдя метров сорок, танк вернул прежний курс и пошел по лугу. Его маневр повторил третий «тигр», только он свернул налево. Таким образом «тигры» образовали цепь. Следовавшие за ними PzIV повторили маневр, только разошлись дальше по флангам. А штурмовые орудия встали в промежутки между «тиграми».

В голове Кравцова крутилось сразу несколько догадок относительно странного появления на полигоне немецких танков, и он как-то упустил из виду маневры чужих машин. Зато Пестриков среагировал сразу:

– Товарищ лейтенант, они собираются нас атаковать! Они встали углом!

Действительно, немецкие машины образовали некое подобие угла острием вперед и теперь катили прямо на танки Кравцова. До них было около километра.

– Что происходит, командир? – спросил Завадский. – Они спятили, эти историки? Прут на нас.

– Не знаю.

Он лихорадочно искал частоту, на которой работали немецкие танки, но эфир молчал.

– Командир, спрячься в танке! – рявкнул старшина. – Убери голову! Не то снесут.

– Кто снесет? Ты спятил, старшина! С чего это они станут стрелять?

– Не знаю. Показалось. Чего они прут на нас?

Над головой опять застрекотали моторы старинных самолетов. Кравцов вскинул голову и увидел сразу два силуэта, кружившие почти над ними. Только теперь это были другие машины.

– «Мессершмитт BF 109», – передал по радиостанции Пестриков. – Кажется, серии G.

– Командир, они прут на нас, – сказал Лапшин. – Расстояние – девятьсот сорок метров. Это не похоже на учения и парад техники.

– А что, по-твоему, они воевать хотят? На этих гробах?

– У меня есть одна версия... шальная, – неуверенно произнес Завадский.

– Давай свою версию.

– Это... настоящие немцы. Из того времени.

«Он же трезвый, – подумал лейтенант. – А бред несет несусветный...»

Но высказать эту мысль вслух не успел. Первый «тигр» вдруг встал, повел башней, наводя орудие на танк Кравцова, и выстрелил.

Лейтенанта спасло то, что в момент выстрела он инстинктивно пригнулся, и над люком торчала только макушка. Снаряд рванул прямо перед танком, большая часть осколков ударила по лобовой броне, несколько долетели до поднятой крышки люка и срикошетили от нее.

«Осколочно-фугасный, – пронеслось в голове, когда он нырнул в нутро танка и закрывал люк. – Что, черт возьми, происходит?..»

Два других танка выстрелили по машине Пестрикова. На этот раз болванками. Одна пролетела рядом с танком. Вторая попала. Точнее, должна была попасть. Но сработала активная защита. Автоматика отследила приближение снаряда, и когда тот приблизился почти вплотную, навстречу ему выстрелил заряд из специальной пусковой установки.

Взрыв произошел в пятнадцати метрах от башни. Болванка, получив встречный удар, сменила направление, потеряла скорость и ушла в сторону.

– Мать вашу за ногу! – выругался Пестриков. От неожиданности он забыл отключить связь, и его мат услышали все. – Командир, что делать?

В этот момент открыли огонь другие танки немцев. Активная защита машин сработала еще дважды.

Ошарашенный видом старых танков и их внезапным нападением, Кравцов растерялся. Этого не могло быть в принципе. Откуда на полигоне, в двадцать первом веке немцы? Почему они стреляют?

Не зная, что предпринять, он лихорадочно обдумывал ситуацию, не решаясь отдать приказ стрелять.

– Лейтенант! – нарушая субординацию, проорал старшина. – Они нам гусеницы побьют к херам собачьим!

В подтверждение его слов рядом с левой гусеницей танка взметнулась земля. И тут же вновь сработала активная броня, спасая от попадания болванки в лоб башни.

– Ну, суки! – прошипел лейтенант. – Хрен с вами! Сами полезли!

Он отчетливо понимал, что если ошибся и принял своих за противника – его ждет трибунал. Но и стоять и спокойно смотреть, как расстреливают его машины, больше не мог.

– Взвод! Слушай команду! Лапшин – три левифланговых танка, Пестриков – три правифланговых. По машинам противника... Огонь!

И чувствуя, как охватывает азарт боя, крикнул наводчику:

– Мишка! «Тигры» наши. С левого – начинай!

– Есть, командир! – откликнулся тот, готовя орудие.

– Огонь!

В танке Т-96 стояла новая система наведения орудия. Она самостоятельно распознавала цели и отмечала их в соответствии с заданным приоритетом. Таким образом, наводчик только задавал последовательность уничтожения и количество снарядов для каждой цели, а потом нажимал кнопку «пуск». Все остальное автоматика делала сама: наводила пушку, стреляла и после подтверждения поражения переносила огонь на другую цель. И так до полного уничтожения противника.

После команды «огонь» прошло неполных пять секунд, как танки Кравцова открыли ответный огонь. И машины противника начали погибать одна за другой.

4

Командир танковой роты капитан Эрик Даргель вел сводную группу от ремонтной базы в расположение своего батальона к деревне Вискосино. Батальон получил задачу совместно с

пехотой атаковать позиции противника южнее высоты 101,2, обозначенной на картах русских как «высота Зеленая».

Почему «Зеленая», Даргель не знал. На высоте не росло ни единого дерева или куста. И вообще после бомбардировок и артобстрелов там даже травы не было. Но русских понять невозможно, он это давно уяснил.

Выполняя приказ, Даргель прямо с ремонта своим ходом вел танки на позиции, не став дожидаться тягачей. Те были заняты эвакуацией подбитых самоходок с другого фланга полка.

Капитан спешил на передовую. Он хотел наконец испытать в бою новые, только полученные машины. Тем более что наступление шло уже четыре дня, а его рота так и не поучаствовала ни в одном сражении.

Причина столь неудачного начала – потеря сразу шести машин. И это еще до боя, при выходе на исходные позиции. Его рота налетела на заброшенное и никем не обнаруженное минное поле. Три «тигра» потеряли гусеницы почти одновременно. Остальные – через час, когда шли по только что проверенной саперами дороге. Но саперы пропустили вражеские мины, и танкисты потеряли еще три машины.

Видя это, командир полка приказал Даргелю отвести роту в тыл и устранить неисправности. Таким образом, капитан остался в резерве, в то время как батальон успел повоевать.

Три танка ремонтники восстановили за сутки, и Даргель отправил их в распоряжение батальона. А сам с тремя остальными выехал на следующее утро. За полчаса до выезда он получил приказ: забрать из ремонта уже восстановленные танки PzIV и штурмовые орудия StuG и возглавить сводную группу. На выезде с рембазы к капитану присоединились два грузовика со взводом пехоты. Лейтенант Гарвиц, командир взвода, имел приказ идти вместе с танкистами.

Одной колонной они и пошли к Вискосино краем чащи, не рискуя выходить на открытое поле. Хотя на этом участке фронта в небе было преимущество на стороне люфтваффе, русские штурмовики иногда совершали дерзкие и молниеносные налеты.

Чужие танки Даргель заметил, когда выезжал к лугу. Три странные машины незнакомой конструкции стояли у опушки. Даргель хорошо знал все типы русских машин. В сорок первом видел чудовищные KB, воевал с Т-34, легкими Т-60 и Т-70, жег присланные англичанами «валентайны».

Но те, что стояли в полутора километрах от него, опознать не смог. Приземистые, с плавными обводами. Со странными коробками на сплюснутой башне и огромным пулеметом, смотрящим в небо. Чувствовалась в них скрытая мощь. На башнях были небольшие вымпелы зеленого цвета.

Это никак не могли быть свои. Все новые машины капитан видел. Вживую или на рисунках. И новый PzV «пантера», и штурмовые орудия «элефант», и, конечно, его собственный «тигр». Так что, без сомнения, это танки противника. Но какие?

Капитан на всякий случай попробовал вызвать танки по связи, но те молчали. Между тем появление противника в тылу передовых частей его полка ни к чему хорошему привести не могло. И капитан отдал единственно верный в этом случае приказ: «К бою!»

Девять машин выстроились клином. На острие «тигры», по бокам PzIV, штурмовые орудия, как обычно, по флангам, готовые прикрыть атаку танков. Пехота осталась позади. Перед тем как дать команду «огонь», Даргель связался со штабом и предупредил о появлении в тылу русских машин.

Танк капитана выстрелил первым. Вышел недолет. Потом выстрелил танк унтер-офицера Кранке. Тяжелая болванка шла точно в цель и должна была поразить башню передовой

машины противника. Но тут произошло нечто странное. Рядом с башней раздался взрыв и... все. Танк спокойно стоял на месте как ни в чем не бывало.

Потрясенный Даргель скомандовал вести беглый огонь и попытаться поразить гусеницы. Еще пять выстрелов не принесли никакого результата. Каждый раз, когда снаряд шел в цель, следовал взрыв рядом с корпусом машины. А танки стояли целыми и невредимыми.

«Мистика, – подумал Даргель. – У русских появился неуязвимый танк. Его не берут даже снаряды пушек «тигра». Этого не может быть!»

А русские почему-то не открывали огня.

Даргель решил подойти еще ближе и ударить наверняка. Перед его восьмидесятивосьмимиллиметровой пушкой не мог устоять ни один танк на свете.

«Тигры» двинули вперед, когда русские наконец открыли огонь. Даргель увидел сотрясение вражеского танка, частые хлопки выстрелов и... Что-то яркое и горячее ударило его в лицо, стало нестерпимо больно, а потом все померкло. Сознание отключилось. Навсегда...

Первыми взорвались две левофланговые машины. Потом исчезли в огне все «тигры» и штурмовые орудия. За ними еще одна немецкая «четверка». Последний вражеский танк успел спрятаться за пылающим «тигром». Пестриков двинул свой танк вправо, заходя во фланг, чтобы расстрелять немца в борт.

Кравцов потрясенно смотрел на восемь костров, пылавших посредине луга. Впервые столь наглядно его танк продемонстрировал свою мощь. Пусть даже на старых консервных банках. Но это зрелище потрясло до глубины души. Весь бой шел какой-то десяток секунд.

Лейтенант даже не сразу расслышал крик Завадского:

– Воздух! Атака с неба.

На них с высоты падали две юркие машины.

– Все нормально, командир, – добавил Завадский. – Я займусь ими.

По своей сути изначально БТР – легкобронированное такси для перевозки пехоты, доставки ее на поле боя, подвоза боеприпасов и эвакуации раненых. И вооружение на нем только для защиты от внезапной атаки пехоты врага.

Однако с конца двадцатого века бронетранспортер пытались переделать в колесный вариант боевой машины пехоты. Усиливали броню и вооружение, модернизировали ходовую часть. В результате и появился БТР-92. Его броня выдерживала попадание снарядов из двадцатитрехмиллиметровой автоматической пушки, специальная установка защищала от подрыва на минах.

Изменилось вооружение. Для поражения живой силы и легкобронированной техники установили спарку крупнокалиберных пулеметов «Корд» и автоматический гранатомет АГ-36. Для поражения бронетехники – ПТУР «Долина-1», способную пробить броню любого танка. Для уничтожения авиации в комплект бронетранспортера входил ПЗРК «Игла-20».

Первый «мессер» исчез в огне, когда выходил из пике. В его хвост врезалась ракета ПЗРК. Второй получил свое от пулеметной спарки.

Тем временем Пестриков достал последний вражеский танк и отошел обратно на свою позицию. Не успел он доложить об успехе, как в шлемофоне лейтенанта раздался крик Лапшина:

– Слева вижу танки! Шесть машин!

– Еще три «тигра» идут от заброшенного хутора, – доложил Завадский. И после паузы добавил: – Которого вроде как и нет.

Дело принимало нехороший оборот. Следовало срочно разобраться в ситуации и принять решение. Пора прекратить этот нелепый бой и найти своих.

И Кравцов принял решение:

– Слушать меня! Судя по всему, мы стали свидетелями некоей аномалии. Либо нас забросило в прошлое, либо немцев кинуло к нам. Судя по характеру местности и канонаде – более вероятен первый вариант. А посему идем обратно к хутору. К тому месту, где он должен быть. Если нас не вернет обратно, занимаем круговую оборону у края рощи и... стоим до конца. Когда закончатся снаряды – рвем танки и уходим на БТР. Вопросы?

– Что будем делать потом, командир? – спросил старшина. – Куда идти. К нашим... в смысле, к русским?

– Не знаю. После решим.

Больше вопросов не было.

– Тогда пошли. Лапшин, Пестриков – на вас «тигры». Я беру «четверки». Завадский – замыкаешь. В тылу осталась вражеская пехота – она на тебе. И следи за небом. «Игла» еще есть?

– Одна.

– Понял. Вперед.

Отдав приказ, Кравцов почувствовал некоторое облегчение. Ситуация прояснилась. И что с того, что произошло невозможное? Есть конкретный план, есть цель. Остальное зависит только от них самих и от количества боеприпасов. А если что...

Его прадед погиб в сорок третьем, форсируя Днепр. И получив посмертно Звезду Героя. Правнук сумеет поддержать семейную честь!

5

Получив сообщение Даргеля, майор Рундштед, командир танкового батальона, сперва принял его за неуместную шутку. Какие «неизвестные русские танки»? Но когда авиаразведка подтвердила факт боя группы Даргеля с какими-то танками, он перестал сомневаться. Ясность внес лейтенант Гарвиц. Его машины только что прибыли в расположение батальона.

Выглядел лейтенант неважно. Бледный, руки дрожат, губы сжаты.

Осушив флягу с водой, он сбивчиво рассказал майору, как три русских танка буквально за считанные секунды разнесли машины Даргеля в пух и прах, а потом подбили два истребителя.

После этого Гарвиц посчитал, что вступление в бой его взвода ничего не даст, и на всей скорости покинул поле боя.

– Можете отдавать меня под суд, господин майор. Или расстрелять лично. Но я сам видел, как снаряды «тигров» отлетали от брони русских танков. И как вспыхивали наши машины. А башня танка капитана улетела метров на двадцать от корпуса. И раскололась еще в полете на две части. Это... это невозможно передать.

– Успокойтесь, лейтенант! – брезгливо поморщился Рундштед. – Я не обвиняю вас в трусости. Против танков ваш взвод ничего не мог сделать. Но вам придется идти в составе группы, которую я пошлю уничтожить русских.

И майор отдал приказ: оставшимся танкам из роты Даргеля под командой его заместителя обер-лейтенанта Видлинга и взводу PzIV выйти на перехват танков противника. Им майор придавал взвод пехоты Гарвица, еще один взвод из пехотной роты и два противотанковых орудия.

– Если русские будут отступать, доложите, в какую сторону. Я вызову авиацию, – наставлял Рундштед командира сводной группы обер-лейтенанта Видлинга. – И не лезьте на рожон. Похоже, русские использовали здесь какие-то новые машины. Я не хочу терять технику накануне наступления.

Отправив группы, майор поспешил в штаб, чтобы передать информацию командиру полка. Необходимо было согласовать действия с авиацией и соседними частями.

«И все же, что это за новые танки? – думал майор, идя к штабу. – И откуда такая неуязвимость? Неужели они придумали что-то особое? Или это большое воображение Гарвица? Но Даргель погиб. Значит, все правда...»

Терзаемый сомнениями, Рундштед поднял трубку и попросил соединить его с командиром полка.

Взвод лейтенанта Кравцова медленно продвигался к месту, где должен быть заброшенный хутор. Впереди по-прежнему шел командирский танк, за ним двигались танки Лапшина и Пестрикова. А БТР разведчиков шел слева, по краю дороги, контролируя чащу.

Только что они отразили третью атаку противника. И хотя немцы отошли, но, похоже, так и не оставили идею уничтожить их.

Второй бой был сравнительно долгим. Немцы на этот раз действовали осторожнее и не спешили выходить на открытую местность. Но такой маневр не принес ожидаемого результата. Т-96 мог бить с закрытых позиций ПТУ-Рами.

С танками противника было покончено. Больше хлопот доставила пехота. Один взвод немцев успел добраться до края чащи и исчезнуть в ее буреломах. А вот второй промедлил, и разведчики накрыли его огнем.

Потом Завадский спешил своих людей и повел наступление на врага. Кравцов приказал Лапшину поддержать их.

Силы оказались неравными, и немцы в конце концов отступили, оставляя убитых и тяжело раненых. Конечно, будь у обеих сторон одинаковое вооружение, численное преимущество позволило немцам зажать разведчиков.

Немцы, что ни говори, были солдатами умелыми, дисциплинированными и хорошо подготовленными. Тем более на их стороне огромный опыт войны.

А в отделении Завадского только сам старшина, наводчик БТР и пулеметчик имели за плечами по несколько лет службы и участия в локальных конфликтах. Остальные – срочники. Впрочем, они держались хорошо, не паниковали и не теряли головы от волнения. Да и старшина не давал скисать.

Давя противника огнем пулемета, подствольных гранатометов и автоматов, разведчики постепенно оттеснили немцев к краю чащи, под стволы БТР.

Поняв, что дело швах, немцы бежали. Оставив на поле боя девять танков, две разбитые пушки и не менее тридцати солдат.

Не успел Кравцов дать команду на отход, как сверху навалилась тройка самолетов. На этот раз Пестриков опознал в них многофункциональные «фокке-вульфы». Они могли нести бомбовую нагрузку и имели сильное вооружение.

Незваных гостей встретил Завадский, использовав последний ПЗРК. Ракета развалила на части первый самолет. Второй попал под огонь спарки, задымил и вошел в пике.

Третий самолет, видя участь своих братьев, отвернул в сторону и исчез в небе.

– Побежал жаловаться, – сплюнул Завадский и вызвал лейтенанта.

– Командир. Они сейчас сюда авиаполк пригонят. У нас патронов не хватит.

Кравцов только вздохнул.

Третий раз немцы атаковали уже на подходе к хутору. На этот раз на них шли семь машин. Пять «тигров», «четверка» и странная махина, опознанная Пестриковым как «фердинанд». Мощная неуклюжая самоходка ползла позади танков, с трудом преодолевая мягкий грунт луга. За бронетехникой шли пять машин с пехотой. У трех на прицепе были пушки.

– Seriously за нас взялись, – закончил подсчет Кравцов. – Экипажам доложить о боеком-плекте.

– Израсходовано восемь снарядов и два ПТУРа, – доложил Лапшин.

– Девять снарядов, один ПТУР, – ответил Пестриков.

– Семь снарядов, – закончил переключку наводчик лейтенантского танка.

– А у меня «иглы» – ёк! – подал голос Завадский. – Выстрелов к гранатомету и патронов навалом. Но если еще часок нас потрясут, останемся на нуле.

– Ясно. Слушай приказ. Снаряды беречь. Работать ПТУ-Раами. Старшина, ты с танками не воюешь, на тебе пехота. Не дай развернуть пушки.

– Есть.

«Закончатся снаряды и топливо, будем рвать танки и уходить на броне Завадского, – опять начал подсчет лейтенант. – А когда у него баки опустеют – рванем и БТР. А потом...»

Дальше он планировать не стал. Надо еще дожить до «потом». Поправив шлемофон, он поймал в оптику передний танк и скомандовал: «Огонь!»

За схваткой немцев с неизвестным танками наблюдали три пары посторонних глаз. Наблюдение велось с заболоченного, заросшего камышами берега мелкой речушки. Там в засаде сидели три бойца из полковой разведки советской дивизии, державшей оборону у высоты «Зеленая».

Они сидели здесь уже час, имея задание подсчитать силы противника и попробовать узнать направление предстоящего удара. Командование дивизии не без оснований подозревало, что сил удержать позиции не хватит, и хотело знать, имеет ли смысл стягивать артиллерию и танки к высоте, чтобы встретить врага всеми средствами.

Вот и забрались сюда разведчики, отыскав удобное место для наблюдения. И уже приступили к работе, когда откуда ни возьмись возникли три странных танка и еще более странная машина аж на восьми колесах.

А потом они стали свидетелями невероятного боя. Неизвестные машины довольно быстро разделили немецкие танки. Командир разведчиков, сержант Опансенко, даже глаза протер. Горят фрицы! Да как горят!

– Шо це таке, Петро? – спросил его земляк, ефрейтор Горботенко. – Шо мы бачили?

– Ох, не х... себе! – сбил пилотку на затылок Гришка Добренков, третий разведчик. – Неужто наши?

Опансенко во все глаза следил за странными танками, вспоминая модели советских машин, а также немецких, которые видел или о которых слышал. Эти чудовища не были похожи ни на один из них.

– Тикать надо, Петро. Не то они нас найдут и в пыль сотрут.

– Сиди, – ответил наконец сержант. – У нас задача – сосчитать немцев. Вот и будем выполнять.

– Их и без нас сосчитают, – кивнул на поле боя Гришка.

Там как раз началась вторая схватка. После нее разведчики и вовсе остолбенели. Странные танки поражали немцев из-за взрывков, не видя их. Из стволов вылетали огненные снаряды, похожие на ракеты «катюш». При попадании в танк они взрывались со страшным грохотом, отрывая башни, проламывая броню и выжигая все живое.

А потом разведчики увидели пехоту, вылезшую из восьмиколесной машины. Нормальные парни в камуфляжной форме, как и у них самих, только другой расцветки. И оружие чудное.

Сержант внимательно смотрел за действиями неизвестной пехоты. Потом его отвлек Гришка, тыкавший пальцем в противотанковые пушки, что развернули немцы на краю дороги.

– Может, поддержим? До пушек метров триста. А ну как они подобьют танки?

– Сиди, помогальщик! Без нас справятся.

– А если нет?

Сержант кашлянул, прочищая горло и про себя раздумывая над вопросом.

– А тогда и влезем. Постреляем обслугу.

Влезать не пришлось. Разведчики видели, как один из танков, заметив угрозу с фланга, развернул башню (быстро, невероятно быстро) и плюнул огнем. Первая пушка исчезла в облаке взрыва.

Со второй разобрался пехотинец с помощью какой-то странной трубы. Он присел на колени, положил трубу на правое плечо, а потом оттуда вылетел длинный снаряд с дымным хвостом. Снаряд быстро понесся навстречу пушке, ударил ее в щит и...

И все. Ни пушки, ни обслуги.

– Мать моя женщина, – зашептал Гришка. – Что же творится?! Неужели это наши? Ведь фрицев положили несчитано.

Он повернул красное от волнения лицо к сержанту и, сверкая глазами, повторил:

– Что же происходит, сержант?

– Не знаю. Но чую, тикать нам надобно отседова. Вон еще немцы прут. Как раз через нас пойдут. Не ровен час засекут. Уходим!

И сержант первым пополз вдоль берега, уходя из опасного места. Разведчики уже не видели, как третья волна немцев накатила на неизвестные танки и разбилась о грозное оружие чужаков.

Теряя технику и людей, немцы опять отступили. Командир немецкого танкового полка, оставив на поле боя двадцать пять машин, решил отвести свои силы и предоставить действовать авиации и артиллерии.

Он и так из-за незапланированного боя сорвал наступление на высоту. И теперь вынужден будет брать ее ослабленными батальонами.

6

Третья атака вышла самой затяжной. Удачный выстрел немецкого танка повредил гусеницу на машине Лапшина. Правда, ремонт не занял много времени, но сам факт тревожил.

У Завадского были потери. Во время перестрелки у чащи одного разведчика ранили в ногу. Пуля карабина прошла навывлет, не задев кость. Старшина обработал рану, наложил повязку и вколол промедол. Раненый был в сознании и в общем-то чувствовал себя нормально.

– лейтенант, – вызвал Кравцова старшина после перевязки. – Надо уходить отсюда. Нас сейчас накроет авиация и гаубицы. Не станут немцы больше технику терять.

Кравцов и сам так думал, поэтому приказал после второй стычки отходить. Но если от артиллерии можно уйти, то как скрыться от авиации? Правда, у них есть зенитные пулеметы, здешние штурмовики и истребители отогнать можно. Но если навалятся все разом, будет трудно. Достаточно разбить гусеницу, и танки встанут.

лейтенант провел переключку, проверил боезапас и уровень горючего в баках, а потом приказал идти к хутору.

– Если там ничего нет, уходим на восток. К нашим... Если примут, – добавил он после паузы.

Неизвестно, как еще отнесутся к ним советские войска. Пестриков успел просветить командира относительно политического строя в прежнем СССР и характера отношений с чужаками.

По дороге к хутору они дважды замечали вражеские танки, но те не подходили ближе трех километров и не выказывали желания атаковать. Три километра не дистанция для Т-96, но тратить снаряды лейтенант не хотел.

В следующий раз немцев засекли уже на подступах к месту, где должен был быть хутор. На этот раз те подошли ближе.

Кравцов отдал приказ готовиться к бою, привычно (уже привычно!) распределив сектора наблюдения и огня. А когда Завадский доложил о появлении в небе трех самолетов, решил сам идти на сближение с противником, чтобы затруднить работу авиации и артиллерии.

Танки свернули с дороги и пошли по полю. Оно только со стороны выглядело ровным и гладким. Под высокой травой скрывались рытвины, колдобины и выбоины. Танки запрыгали на неровностях.

Кравцов старался удержать в поле зрения танки немцев, не обращая внимания на рывки машины. Поэтому не среагировал на ощутимый толчок снизу. Только на миг оторвал взгляд от перископа, а когда приник к нему опять, то увидел прямо перед собой сруб сарая.

– Куда катишь, сворачивай! – заорал он, на миг забыв, что для его танка эта груда бревен не опаснее листа фанеры.

Но механик автоматически свернул влево, обходя препятствие, и крикнул в ответ:

– Он как из воздуха появился! Не заметил.

А лейтенант вдруг увидел у края дороги два бронетранспортера и три танка. Не отойдя еще от недавнего боя, он едва не скомандовал «огонь», но потом узнал силуэты машин и понял, что видит своих.

И тут же в шлемофоне раздался раздраженный голос ротного:

– Кравцов, мать твою за ногу! Где тебя носит?! Ты уже сорок минут как должен быть на стрельбище!

– Ур-ра! – заорал вдруг Лапшин. – Свои! Вышли!

Взгляду разозленного капитана Макарова предстала странная картина. Из вставших у полуразваленной избы машин вылезли счастливые танкисты и разведчики. Глаза шальные, лица красные. Прыгают, кричат. И на начальство совершенно не обращают внимания.

Когда капитан подошел к ним, на него отчетливо пахнуло гарью из стволов пушек.

– Что, черт возьми, происходит? Кравцов? Вы где стреляли?

Сияющий от радости лейтенант вскинул руку к шлемофону и дрожащим голосом произнес:

– Разрешите доложить, товарищ капитан. В бою вверенным мне взводом и приданным отделением разведки были уничтожены двадцать пять немецких танков и самоходных орудий, четыре противотанковые пушки и около шестидесяти человек пехоты. А также четыре самолета. Потерь нет, ранен один разведчик. Докладывает командир взвода лейтенант Кравцов.

Капитан решил было, что лейтенант спятил. Как и остальные. Хотя коллективное умопомешательство выглядело странным. Не желая устраивать разнос на месте, Макаров скомандовал:

– Всем в распоряжение части. Там разберемся. А раненого заберет вертолет. Выполнять!

Происшествие наделало шуму. Командир части сначала хотел отправить Кравцова и остальных в больницу. Но потом приехала комиссия, состоящая наполовину из сотрудников госбезопасности, наполовину из врачей и ученых.

Они забрали всех участников с собой и подвергли их десятидневному обследованию. А потомпустили, предупредив, чтобы те не распускали языки.

– Пойми, лейтенант, – объяснял Кравцову чин из КГБ, – это дело такое деликатное, что нужно быть очень осторожным. Не стоит пугать всех рассказами о провале в прошлое.

– Но это же правда!

– Да, правда. И мы вам поверили. Потому что совершенно определенно это знаем. Но болтать все равно не надо.

К моменту возвращения группы Кравцова сотрудники про водившего эксперимент НИИ с помощью коллег из других институтов и того самого инженера, высказавшего оригинальную догадку, уже отыскивали следы выносного блока. Как и следовало ожидать – в далеком прошлом.

И хотя вернуть его пока не смогли, зато разобрались в причине странного феномена. Так что работой НИИ теперь был обеспечен по самое горло.

Кравцов и его товарищи вернулись в часть и продолжали служить. А через две недели после этого пришел приказ из Москвы. Наградить всех участников провала орденом Мужества третьей степени.

Всех, кроме Кравцова. Его высокая комиссия представила к Звезде Героя России. «За умелое и грамотное руководство вверенным подразделением в сложной обстановке, быструю адаптацию в незнакомых условиях, нанесению крупного урона врагу и сохранение техники и личного состава...»

Так и было написано в приказе. Надо сказать – заслуженно. Как ни крути, а воевал с врагом. Пусть и в прошлом. И не важно, что техника у врага была отсталая. Воевал-то он всерьез!

А еще через месяц Кравцову досрочно присвоили следующее звание и назначили командиром роты.

Уже потом эксперты исследовали всю документацию, относящуюся к периоду лето – осень 43-го года в поисках любого упоминания о странном бое в тылах немецкого танкового полка, но ничего не нашли. Так что с немецкой стороны все было тихо.

Впрочем, как и с советской. Что стало с теми разведчиками: погибли при выходе к своим или просто не рискнули докладывать об увиденном – неизвестно. Но никаких записей нигде не обнаружено.

И то хорошо. Меньше хлопот.

Фрагмент 3

1

Август 2004 года. Западный район России. 13:15

– ...Так, пацаны! Смотрим еще раз, все ли загрузили. Ничего не оставили? А то в лом возвращаться.

– Все в норме.

– В норме? Лады. Проверим. У кого там список? У тебя, Витьк?

– Угу.

– Читай.

– Угу.

– Чё – угу?! Читай, а не жуй.

– Тьфу! Чего читать? Загрузили все. А чего нет – значит забыли дома. Туда теперь никто не поперет. Давайте лучше двигать. Не то местные ненароком забредут, тогда будет шум.

– Лентяй ты, Витька. Скажи, читать неохота.

– Ну неохота. Потому как без толку.

– Эй, сверяльщики! Давайте на броню. Не хрена ждать.

– Ладно, пошли. По пути проверим.

При взгляде вниз с высоты птичьего полета можно увидеть стоящую неподалеку от леса большую машину странной конфигурации и четверых молодых парней, одетых в одинаковую военную форму. Тоже довольно странную.

В полутора километрах от дороги маленькая деревенька, в которой большая часть домов брошена. В остальных еще теплится жизнь, но довольно вялая. Однако деревня никого не интересует, а вот машина и парни...

Им около тридцати. Все как на подбор высокого роста, мощного, можно сказать, богатырского сложения, с короткими спортивными стрижками. Есть некоторые схожие черты во внешности, хотя родственниками друг другу они не доводятся.

Одеты парни, как уже было сказано, в военную форму. Давно не существующей структуры. Черные бриджи и кителя, черные сапоги, белоснежные рубашки, черные фуражки с высокими тульями. На рукавах – свастика, на погонах знаки различия. Специалист их легко назовет. Не будем скрывать и мы. Пожалуйста. Трое гауптштурмфюреров и один штурмбанфюрер. В переводе на армейский язык – капитаны и майор.

Кто еще не догадался – это форма гестапо. Пояснять не стоит, в России об этой организации знают все. И никогда не забудут.

Четверка парней загружала сумками, упаковками, ящиками, рюкзаками и баулами большую машину. Издалека ее можно принять за импортный джип, но при более пристальном взгляде мнение менялось. Длинный корпус, багажное отделение скрыто за металлическими бортами, причем сталь явно не та, что шла на легковые машины. Шесть колес, три двери. Две впереди, одна двойная сзади.

Большинству марка машины незнакома, но люди военные, особенно в возрасте, без труда назвали бы не только модель, но и ее ТТХ. Это был советский бронетранспортер БТР-152, созданный на базе американского грузовика «студебекер» и немецкого бронетранспортера «Ганомаг» времен Второй мировой войны.

БТР давным-давно сняли с вооружения, но некоторое количество машин все еще стоят на армейских складах. Один такой экземпляр, разумеется, без вооружения и был выкуплен неким гражданским лицом для собственного пользования.

Сделка была полулегальной, но так как рассекать по улицам города новый владелец не собирався, до сих пор никто не предъявлял никаких претензий.

Впрочем, у блюстителей порядка, появившись они вдруг здесь и сейчас, претензий было бы навалом. А у владельца БТР – навалом проблем с законом.

Машина выкрашена в зелено-коричневый цвет, на бортах опознавательные знаки немецкой армии времен Третьего рейха. Над кабиной, на турели – пулемет MG-42. Настоящий пулемет в хорошем состоянии, с заправленной лентой, в которой тускло поблескивают патроны.

Кроме него четверка имела на вооружении три пистолета-пулемета MP-40, штурмовую винтовку StG-44¹, снайперскую винтовку Маузера и три пистолета «Вальтер Р-38». И еще десятка полтора гранат. Как «лимонок» Ф-1, так и немецких, прозванных «колотушками».

Если кто-то решил, что здесь идут съемки фильма о войне, то он ошибается. И клип не снимают. Тут дело совсем в другом...

– Шарики воздушные взяли? – спросил самый рослый среди четверки – Герман, когда машина тронулась с места.

– Взяли-взяли, – успокоил его Артем, тот, кто требовал проверить имущество. – В крайнем случае используем гондоны. А девочки надуют.

Сзади раздался смех. Сидевшие возле багажа Виктор и Олег скалили зубы.

– Ну, смотрите, – показал парням кулак Герман. – Будете по газетам и коробкам стрелять.

– Было бы из чего, а мишени всегда найдем, – примирительно сказал Олег и протянул Герману открытую банку пива.

Тот кивнул и сделал глоток, разом опустошивший половину банки. Глотка у Германа безразмерная.

* * *

Загадка. Едут по лесу на бронетранспортере четверо одетых в нацистскую форму бритоголовых парней, увешанных немецким оружием. Кто они? Нет, не скинхеды. И не неонацисты. Не баркашовцы из РНЕ или прочих мини-партий нацистского толка. Бандиты? Верно. Но в прошлом. А сейчас вполне порядочные, местами легальные бизнесмены средней руки. Те, чей ежемесячный доход превышает двадцать тысяч долларов. Впрочем, сейчас модно считать в евро.

Зачем им маскарад, не очень уместный в стране, шестьдесят лет назад пережившей ужас нашествия гитлеровцев и их прихлебателей? Ответ – это такая форма отдыха. Релаксация после дел насущных, проблем бизнеса и прочих неурядиц, коими богата жизнь в России начала двадцать первого века.

Каждый отдыхает на свой лад. Кто-то лезет в горы, кто-то едет на курорт, кто-то участвует в новомодных ролевых играх, бегают по лесам и полям с «толкиенистами», «викингими», «рыцарями» и прочими «героями». Есть еще любители пощекотать себе нервы в перестрелках пейнтбольной или страйкбольной войнушки.

Кстати, эта четверка тоже увлекается «войнушками». Но у них есть еще одна фишка. Во время отпуска (в основном летом и ранней осенью) едут они в западные области России,

¹ Штурмовая винтовка StG-44 первоначально имела наименование Mkb-42(H). Потом выпускалась под названием MP-43. Свое окончательное название получила в 1944 году. Здесь приводится именно этот вариант наименования.

подальше от городов и поселков, там, где еще шумят бескрайние леса и чащобы, заезжают в самые уж глухие районы и отрываются на всю катушку.

Натягивают гестаповскую форму, берут оружие (настоящее) и устраивают что-то вроде полевых сборов. Со стрельбой, купанием, рыбной ловлей по-военному (то бишь с гранатами), поеданием шашлыков, поглощением довольно большого количества водки. Ну и с общением с прекрасным полом. Куда ж без него?!

Проходит все более или менее мирно и безобидно. Из оружия палят в глубоких оврагах, чтобы ненароком кого не задеть, водку пьют в меру (спортивный режим-с), баб... ну, с ними тоже мирно. Но много.

Местный народ не трогают. Да и мало осталось здесь, кого трогать. Разве что шальные охотники или грибники.

Вот такое развлечение у парней. Нравится им подобный отдых, и все тут. А что немецкая форма... Уж очень она красивая. Видная. Это давно все признали. Особенно когда Вячеслав Тихонов в ней одиннадцать серий расхаживал, образ Штирлица передавал. Да и Табаков в ней выглядел вполне презентабельно. И даже вечный комик Куравлев смотрелся представительно. А кому она не идет?

Да, немецкая, запятнавшая себя кровью сверх всякой меры. Но ведь и язык немецкий многие ветераны до сих пор спокойно слушать не могут. Так ведь никто не запрещал его. И Берлин до сих пор стоит. И Германия существует.

Вот такой юридический парадокс. Особенно с запрещением демонстрации эмблемы Третьего рейха – свастики. Хотя любой начинающий историк знает – этому символу больше трех тысяч лет. И к гитлеризму он имеет такое же отношение, как и истинные арийцы, – то бишь никакого. Ладно, не будем о грустном.

Словом, уже пятый год приезжают они сюда, оставляют свой транспорт в соседней деревне, переодеваются, достают из схронов оружие, выкатывают бронетранспортер и едут отдыхать на всю катушку. Артем, Герман, Олег и Виктор. Четыре друга, четыре кореша, партнеры по бизнесу и вообще неплохие парни.

– ...Ты с Генкой связывался? Когда они приедут?

– К вечеру. У них были небольшие проблемы, потому и запоздают.

– А девок захватят?

Артем глянул на озабоченное лицо Германа, фыркнул. Успокаивающе подтвердил:

– Конечно. Их очередь.

– Это хорошо, – кивнул Герман. – Неделю без баб я не выдержу.

– Да ты и два дня не выдержишь! – влез в разговор Виктор. – Побежишь по здешним деревням искать бабусю помоложе.

– Но-но! – показал ему кулак Герман. – Я не геронтофил. К старым испытываю почтение, а не влечение.

Артем бросил хитрый взгляд на Витьку, подмигнул и очень серьезным тоном произнес:

– Да мы знаем. Ты у нас на другое западаешь. Небось и форму для девок прихватил самую что ни на есть подходящую? Чтобы все как в кино.

Витька дернул головой, зажал ладонью рот, но потом не выдержал и заржал во все горло, невольно вырывая из полудремы Олега. Артем тоже прыснул, на миг упустил руль, и тяжелая машина вильнула в сторону.

Герман привстал на месте, ткнул ладонью Витьку в бок и пообещал:

– Приедем – голову сверну! И тебе тоже, водила хренов!

Артем вжал голову в плечи, спасаясь от разгневанного кореша, а сам все скалил зубы. Это была старая шутка в их компании, и Герман всегда на нее попадался.

Лет в восемнадцать посмотрел Герман один порнофильм, где фигурировали девчонки в военной форме. Особенно запала ему в душу блондиночка, затаенная в гестаповскую форму, в черной кожаной мини-юбчонке. И все. С тех пор Герман полюбил секс с переодеваниями. Сколько он перетрахал подружек и проституток, одетых в немецкую, милицейскую, советскую военную или медицинскую форму.

Со временем у него даже развился условный рефлекс. Как увидит девчонку в форме, сразу бежит знакомиться. Братва офигевала от такой активности. Любвеобильный Герман успел уложить в постель трех милиционерш, пять сверхсрочниц, с десятков медсестер и врачей.

Дошло до того, что с другими подружками у него не выходило. Когда не видел обтянутых мини стройных ножек, не ласкал упругих грудей под белоснежной рубашкой, его агрегат давал сбой.

В конце концов, потерпев подряд два фиаско, Герман побежал к врачу. Тот, проведя обследование, направил его к психиатру. А врачеватель душ поставил диагноз – фетишизм. И назначил лечение. Поэтапное. С привлечением гипноза, просмотром определенных фильмов и участием девочек. Одетых несколько иначе, чем привык Герман.

За полгода душевный недуг прошел, и стал Герман опять «всеяден». Фетишизмом больше не увлекался, хотя тяга к женщинам в форме до конца не прошла. Но хоть теперь не мешала.

* * *

Сзади в кузове шел разговор на другую тему.

– Парни из Смоленска предлагают две самозарядные немецкие винтовки в хорошем состоянии, – рассказывал Виктор.

– Какие, не уточнил? – спросил Олег.

– Нет. Можно узнать.

– Было два вида винтовок. «Вальтер» G-41 и G-43. Первые – сырые, слабые. Вторые – лучше, но тоже не ахти какие.

– Думаешь, не стоит брать?

– Надо уточнить. Посмотреть, пострелять. Если цена приемлемая – почему бы одну не взять? Но лучше еще один StG. Кстати, как там дела с поставками патронов и гранат? Мой канал иссяк.

– Будут, – успокоил Виктор. – Знакомые обещали.

– Только проверять поеду я сам.

– Само собой. Как обычно.

В вопросах оружия и военной техники в их компании лучше всех разбирались Олег и Артем. Что совсем не удивительно. Артем служил срочную в спецназе ГРУ. А Олег – в спецназе внутренних войск. И оба успели повоевать.

В армию Артема отправила, как ни странно, братва. В девятилетнем году его, еще семнадцатилетнего бойца одной из бригад, старший решил определить в армию, чтобы тот научился работать с оружием, взрывчаткой и усвоил специальные тактические приемы. В общем, прошел профессиональную подготовку.

Для молодого пацана такое внимание со стороны бригадира было лестно. Тем более тот брал на себя все заботы о семье новобранца.

Благодаря связям братвы угодил Артем сначала в ВДВ, а потом и в спецназ. Данные у него были подходящие. Кандидат в мастера по дзюдо, второй разряд по биатлону. Рост метр восемьдесят пять, вес восемьдесят три.

Таких – выносливых, сильных и ловких – и отбирали в элитные войска тогда еще Советского Союза. Служба Артему нравилась, проблем с «дедовщиной» в части, только недавно вышедшей из Афганистана, не было, а вот боевой учебы, наоборот, вдоволь.

И он учился. Старательно, упорно, как и привык. Помня наказ старшего и, конечно, по собственной инициативе.

Полученные навыки пригодились ему, когда их часть стали бросать из одной горячей точки в другую. Карабах, Армения, Азербайджан. За полтора года почти непрерывных боевых действий стал Артем опытным воином. Не обошли его награды и звания. На дембель пошел сержантом, заместителем командира группы. С медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги».

Служба кое-что изменила в мозгах парня. Возможно, он и ушел бы из бригады, но общий бич страны – нищета – ударила по его родителям. Заводы и фабрики закрывались, работы не было, денег тоже. И бывший защитник родины стал тем, кем должен был стать. Боевиком.

Через год после его возвращения в бригаду пришел Олег. Он отслужил срочную в ОбрОНе², тоже повоевал. К концу службы исполнял обязанности командира взвода. Старшина. Такие спеццели бандитам были нужны. А стране – нет. И встал Олег в стройные ряды братков.

Лес был огромным, прямо-таки гигантским. Буреломы, завалы, заросшие травой и кустарником овраги, на дне которых журчали холодные ручьи. Среди этой глухомани встречались островки, свободные от деревьев и кустарников. Залитые солнцем опушки, лысины, небольшие озера. К ним вели узкие, едва заметные тропки и наезженные грунтовки. Если забраться на высоту птичьего полета, можно увидеть сложный рисунок лесных дорог, напоминающий паутину.

По одной такой к небольшому лесному озеру и ехал броне транспортер. На берегу было удобное место для палаточного лагеря. А неподалеку, в длинном и глубоком овраге – импровизированный тир. Словом, все удобства рядом. Отдыхай не хочи...

– Нет уж! – резко мотнул головой Виктор. – Тот раз мы сунулись к шоссе, и что вышло? Хорошо ночью. А если бы днем? Да за нами все менты района рванули бы! Выехали, блин, фрицы на большую дорогу пострелять.

– Ну и ладно, – пожал плечами Герман. – Нет и нет. Обойдемся. Только за шоссе удобное место. Лощина длинная, глубокая. И прямо к реке выходит. Можно спокойно отстреляться. А до ближайшей деревни километров пять.

Пацаны обсуждали, где удобнее пострелять из пулемета. В лесу расстояние до цели не превышало ста метров, что для автоматов и пистолет-пулеметов достаточно. А вот для пулемета и винтовок маловато. Вот и искали подходящее место.

– Можно махнуть через реку. Там удобно.

– И там засечь могут. Тем более поля колхозные рядом. Не хрена вообще вылезать из леса. В крайнем случае на опушке постреляем.

– Всего-то сто пятьдесят метров! – фыркнул Артем.

– Хватит.

– Да ладно. Обойдемся.

Герман недовольно поморщился, но дальше спорить не стал. В самом деле, рисковать ради того, чтобы лишний раз пострелять с дальних дистанций, не стоило. Они и так часто ездили на стрельбище армейского полка и там отводили душу.

Кстати, позвольте представить. Герман Круглов. Конкретный пацан, нормальный браток. Впрочем, нет, так не пойдет. Круглов Герман Максимович. Семьдесят второго года рождения.

² Отдельная бригада оперативного назначения внутренних войск.

Рост – метр девяносто. Вес – сто десять кэгэ. Плечи – в дверь не пролазят, кулаки пудовые. От груди лежа жмет сто восемьдесят, на бицепс берет сотку. В шестнадцать получил первый разряд по боксу. Потом перешел в кикбоксинг и стал кандидатом в мастера. В бригаде с восьмидесяти девятого года. Начинал, как и большинство, с вышибания дани из кооператоров и цеховиков. Был рядовой «торпедой», потом поднялся до бригадира.

Когда пик бандитских разборок пошел вниз, а народа в их команде сильно поубавилось, вместе с друзьями решил двигать в легальный бизнес. Иначе говоря, повзрослел, поумнел и отошел от активных действий. Впрочем, это не значит, что позабыл о прошлом совсем. Просто не лез сам.

После вышесказанного Герман предстает в роли эдакого туповатого богатыря, главное достоинство которого – крушить черепа налево и направо. Поэтому следует добавить: год назад он с успехом окончил заочный факультет престижного вуза и получил диплом экономиста. Вот такой браток.

В заключение еще одна деталь. От природы светловолос и кареглаз. В сочетании с ростом и статью это создает убойный эффект, что положительно сказывается на бешеном успехе у слабого пола. Это и понятно. Не силком же он тащит их в постель.

По пути дважды делали остановки. Первый раз дорогу перегородили два поваленных дерева. Да еще стволы цеплялись за корни. Пока отпилили, пока оттащили – прошел час.

Вторая остановка – из-за мелькнувшего среди кустов силуэта зайца. Первым среагировал Олег. Жахнул из карабина. Промазал. Это его разозлило, и он выстрелил еще раз. Его поддержал Виктор. В результате заяц был убит. Двумя пулями. Добычу отыскивали и торжественно доставили на броню. Будет чем похвастаться перед корешами и телками.

После этого поехали медленнее в надежде обнаружить еще кого-нибудь.

Виктор в кузове на расстеленном куске целлофана снимал шкуру с убитого зайца. Делал он это умело и быстро. Закончив с освеживанием, поднял голову.

– Моя пуля пошла в сердце. Твоя – разворотила кость.

– Молоток, – кивнул Олег. – Я же говорил – тренируйся, и станешь хорошим стрелком. Довольный подначкой, он улыбнулся и подмигнул другу. Тот в ответ оскалил зубы.

Да. Несколько слов о Вите.

Виктор Бурлимов. Самый молодой в компании, семьдесят четвертого года. Ростом и габаритами под стать друзьям. С пятнадцати лет занимался рукопашным боем. В соревнованиях не участвовал. Не хотел. Зато на его счету несметное количество уличных сшибок. Схватки один на один и против группы, с палками, цепями, ножами. А то и с пистолетами.

В криминальных войнах принимал самое активное участие, но как только они немного стихли, тут же переключился на легальный бизнес. Не забывая, впрочем, о лихом прошлом.

* * *

Словом, компания подобралась один к одному. Все опытные бойцы, отменно владеющие оружием и кулаками, у всех хватило ума в свое время свернуть со скользкой дорожки криминала и начать зарабатывать вполне пристойно. Хотя понятие «пристойно» в России трактуется очень вольно. Олигархи вон тоже «пристойно» свои миллиарды зарабатывали. Кто в бегах, кто на нарах, кто сухари сушит. С икрой.

Другой командой, приехавшей сюда отдохнуть, были трое парней из Питера. Так сказать, коллеги по прошлому и настоящему. Ушедшие в бизнес бандиты. Один даже стал депутатом городской Думы. Это хорошее прикрытие от нескромного интереса милиции.

Питерцы предпочитали форму немецких егерей. И ездили на настоящем раритетном легком бронев автомобиле с непроизносимой аббревиатурой SdKfz.222. Его несколько лет назад отыскали «черные следопыты», подремонтировали и продали питерцам.

Машина в рабочем состоянии, только без автоматической пушки. Зато с пулеметом.

Была у команд договоренность: одни привозят выпивку и продукты, другие – девок. А в следующий раз наоборот. Сейчас продукты, спиртное и прочее снаряжение везла чет верка «гестаповцев». Соответственно питерцы-«егеря» – девчонок.

БТР клюнул носом, когда до озера было метров двести. Артем вывернул руль, выравнявая машину, и вполголоса помянул всех лесных жителей скопом.

– Ты чего? – спросил Герман, с трудом поймав выпавшую из руки банку пива.

– Да хрен его знает! Дернуло что-то.

– Может, налетели на кочку?

– Не знаю.

Машина свернула налево и пошла вдоль взгорка, на котором росли елки. По идее, отсюда уже видно озеро – ближние к воде деревья вырубил еще три года назад, чтобы сделать хороший подъезд. Но впереди была сплошная зеленая завеса и никаких признаков озера.

– Что за черт! Не там свернул, что ли?

Артем остановил БТР, вылез на дорогу и огляделся. Местность была незнакомая. Вместо редколесья – чащоба, вместо накатанной дороги – едва заметная колея, причем явно не от колес машин. Хотя по-прежнему тянет свежестью от воды. Значит, озеро близко, а они каким-то образом вывернули не туда.

– Заплутали? – перегнулся через борт Олег. – Куда ты нас завез?

– Да хрен его знает! Ехал правильно, дорога-то знакомая. А как сюда попал – не знаю.

Парни вышли на дорогу, встали перед машиной, крутя головами и недоуменно глядя на деревья.

– Ты у родника куда сворачивал? – спросил Виктор.

– Налево. Как обычно.

– А не спутал?

– Да ну тебя! Я что, правую сторону от левой не отличаю?!

– Что-то я не вижу обратно дороги, – протянул Олег. Он обошел машину и присел возле задних дверей. – Тропинка какая-то... словно здесь телеги ходили. Причем они сворачивали направо. Вон дорожка идет. А мы проехали прямо и уперлись в заросли.

Артем подошел к Олегу, внимательно осмотрел колею, сплюнул и присел рядом.

– И как это понимать? Мы же ехали по нормальной дороге. А потом вдруг оказались здесь. Ладно, я ослеп, но вы-то все видели. Не могли пропустить поворот.

Олег почесал затылок, глянул на друга.

– Кто у нас главный следопыт? Кто топографию изучал? Ты и объясняй, куда мы попали.

– Куда бы мы ни попали, – подал голос Виктор, – вперед нам точно не проехать. Надо обратно поворачивать. Доедем до развилки, посмотрим, где напутали.

– Ага. Но сначала надо развернуться. А здесь это невозможно.

Артем обошел БТР, убедился, что Витя прав, и вздохнул:

– Придется задом.

Парни залезли в машину, и Артем начал осторожно сдавать задом, стараясь не задеть росшие впритык к дорожке деревья. Нижние ветки били по бортам, царапая краску и забивая щели сорванными листьями.

* * *

Развернуть машину удалось только у небольшой вырубке. Как раз на том месте, где должна быть развилка. Но ее не было. Площадка десять на двадцать, низкие пеньки со светлыми верхушками, сорванные или срубленные ветки под ногами и та же колея. И все. А вот родник в неглубоком овражке был. Только более сильный. Он даже образовал ручеек, что стекал к зарослям кустарника.

Заглушив мотор, Артем вылез из машины. Следом остальные. Молча осматривались, соображая, что произошло и как они могли заплутать в знакомом лесу.

– Ну? – минут через пять спросил Герман. – Какие соображения?

– Никаких. Дорогу мы потеряли, это факт.

– Хорошая мысль. А еще?

– А еще, – Олег поставил ногу на пенек, постучал носком, – надо выезжать обратно. Там разберемся, куда нас занесло. Здесь делать нечего. Все равно пути не найдем. Артем!

– А?

– Ты у нас спец по лесу. Что это за место?

– Я такой же спец, как и вы. Судя по пням и веткам – вырубку проводили недавно, дней пять-семь. Работали пилой и топорами. Человек пять, не больше.

– Это почему?

– Иначе бы мешали друг другу. И потом. Смотри – стволы подрубали с двух сторон. С каждой – по-своему. То есть одно дерево валили два человека. Еще двое – с пилой. А один помогал сваливать и обрубал сучья.

Герман добросовестно осматривал пни и ветки, но особой разницы в способах рубки не видел.

– Ну что, выезжаем из леса?

– Надо позвонить пацанам, сказать, что мы заплутали.

– Это идея. – Витя достал мобильник, поиграл пальцами по кнопкам, поднес трубку к уху. Через несколько секунд опустил ее и растерянно произнес: – Нет доступа...

– Ну, позвони другому.

Второй звонок тоже не принес результата. И третий. Виктор попробовал связаться с домом. Не вышло. Потом звонили остальные. Результат нулевой. Сотовая связь не действовала.

Олег залез в БТР, включил радио. Из динамиков доносились шипение и треск.

– Не понял, – протянул Герман. – Это типа накрылась связь?

– Не нравится мне тишина в эфире, – сказал Виктор. – Подозрительно.

– Сотовую связь могла сбить магнитная буря. Но вот радио... Я такого не встречал.

– Я видел, – буркнул Артем. – У нас на учениях как-то врубали передвижную станцию РЭБ. Даже проводная связь глохла.

– Думаешь, неподалеку учения? – подхватил мысль друга Олег.

Тот пожал плечами:

– Хрен его знает!

– Ладно. – Витя спрятал телефон в карман. – Поехали к дороге. Там разберемся.

– Ну ладно, дорогу мы могли перепутать. Ну, свернуть не в том месте. Даже мобилы и радио могли сдохнуть. Это худо-бедно можно объяснить. Но как объяснить это!

Герман ткнул в просвет между деревьями, в который была хорошо видна большая деревня с полусотней дворов, широкой дорогой у околицы и мост через реку.

– Могли выехать с другой стороны леса, – хмыкнул Олег.

– Ты чё, типа прикалываешься? – нахмурил брови Герман. – Возле леса нет таких деревень. Скажи еще, забыл.

– Забыл, – покорно кивнул Олег.

Герман плюнул и треснул кулаком по стволу дерева.

– Полная херня!

Рядом с кипящим от злости Германом стоял Олег. Он рассматривал деревню в бинокль. Неподалеку Артем тоже в бинокль наблюдал за другой стороной.

Десять минут назад они кое-как выползли из леса по узкой дороге, сопровождаемые треском ломаемых веток и шелестом срываемых листьев. Но вместо ожидаемой трассы увидели скрытую в редколесье проселочную дорогу, а в нескольких километрах большую деревню. И реку.

Герман правильно говорил: в окрестностях леса нет таких больших деревень, да еще плотно заселенных. И вдобавок река... Ту, что они помнили, скорее походила на ручей. Узкая, мелкая. Вот-вот пересохнет.

По всем прикидкам, они заплутали настолько, что их вынесло вообще в другой район. И будь они меньше знакомы с местностью, так бы и подумали.

Но сюда компания приезжала пятый год и изучила район вдоль и поперек. Парни знали, что лес нигде не выходит к населенным пунктам крупнее села. Парадокс!

– По деревне ходят люди, – выкладывал результаты наблюдений Олег. – В основном женщины и подростки. Одеты... черт знает как они одеты! Линия электропередачи есть, опоры деревянные. Только слабенькая линия. Или это радио? Кстати, ни одной машины я не вижу. Но колея на дороге накатанная.

Олег опустил бинокль и почесал переносицу.

– Видимо, придется ехать туда.

– Или не туда, – перебил его Артем. – Километрах в десяти крупный населенный пункт. Вроде райцентра. Вижу водонапорную башню, что-то вроде мельницы и еще какие-то строения.

– Вить, карта у тебя?

– Да.

– Давай, – вздохнул Герман. – Будем разбираться, что все это значит.

Виктор достал из планшета карту. Не ту, что обычно продается в киосках «Роспечати», а настоящую, военную. Причем свежую, две тысячи первого года.

Несколько минут они рассматривали ее, ориентируясь на местности.

– Мы здесь, – ткнул концом веточки в место, помеченное зеленым цветом, Артем. – Деревня, что мы видим – Липатовка. Та самая, где у нас перевалочная база. Та, из которой мы утром выехали. И та, которую наблюдаем.

– Но этого не может быть, – возразил Витя. – Не могла она за сорок минут отстроиться. И народ непонятно откуда пришел.

– Левее действительно райцентр, – не обратил внимания на замечание Артем. – Новодолгино. Мы туда несколько раз заезжали. По периферийным меркам, вполне приличное городишко. Торфяные разработки, ТЭС, ликеро-водочный завод. Неподалеку озеро Великое. Разводят осетров, карпов и еще что-то. Фабрика по изготовлению консервов. Два санатория. Природа классная, любят местные бонзы из области приезжать.

– То есть там есть связь, – сделал вывод Герман. – Можно позвонить пацанам и домой.

Артем побарабанил пальцами по корпусу бинокля. Глянул на друга.

– Честно говоря, не разглядел я там следов цивилизации. Даже и не узнал сразу райцентр.

– Ближайший город в пятидесяти километрах от леса, – сказал Олег. – Если только туда ехать.

– Никого ничего не смущает? – спросил Витя. – Мы вдруг попадаем в незнакомое место... точнее, в знакомое, но чужое. Не наше. Как это понимать?

Повисла пауза. Парни осмысливали услышанное. Их размышления прервал гул самолета. Над противоположным краем леса довольно низко над землей промелькнула быстрая тень и исчезла за кронами деревьев.

– Хотите шальную идею? – вдруг сказал Витя.

– Ну, давай. Шальную.

– О внезапных провалах во времени слышали? Ни с того ни с сего бах! И в прошлом. Или будущем.

Герман демонстративно принялся к Вите, скривил губы.

– Либо пиво паленое, либо он в одну харю водку жрал!

Олег усмехнулся, покачал головой.

– И на что, по-твоему, это похоже? На будущее или на прошлое?

– На дерьмо! – рявкнул Герман. – В которое мы точно угодили.

Витя поморщился, отступил от кореша и высказал мнение:

– Судя по унылому виду райцентра и по странной, явно не суперсовременной одежде жителей деревни, мы в прошлом.

– Интересное мнение, – подал наконец голос Артем. – Но мы можем гадать до потери пульса. Надо съездит и выяснить. Только осторожно.

– Осторожно! – фыркнул Герман. – Бляха-муха! Осторожно будут ежики сношаться!

Вообще-то после отхода от криминала парни потихоньку позабыли и бандитский сленг. Положение обязывало, с партнерами не будешь ведь на пальцах объясняться. Так что там, дома, они давно перешли на нормальную речь. Но здесь, вдали от цивилизации, вспоминали былое и опять обогащали свою речь яркими эпитетами и сравнениями.

С ностальгией вспоминали старые горячие времена и невольно переходили на «конкретный базар». Атавизм, блин!

– Все, по коням! – скомандовал Олег.

– Да, – подхватил Артем. – Только давайте на всякий случай оружие достанем.

Витя подарил ему тяжелый взгляд и спросил:

– Думаешь, встретим неласковый прием?

– На всякий случай, – улыбнулся краешками губ Артем. – Вспомним былое. Как на стрелки приезжали.

– Увешанные стволами, как новогодние елки, – довольно прогудел Герман.

– Вот именно. А пулемет прикроем тряпочкой. Чтобы не светить раньше времени.

Через пять минут БТР начал осторожно пробираться к выезду из леса. А парни деловито разбирали оружие, осматривали его и загоняли патроны в патронники. Словом, занимались привычным делом.

Дорога шла по самому краю леса, отделенная от поля небольшой посадкой. БТР, получив свободу, споро двигался по грунтовке, приминая траву.

Машина уже миновала посадку и свернула к деревне, когда навстречу выскочили два мотоцикла с колясками. Увидев бронетранспортер, они затормозили, перекрыв тому путь.

– Ух ты, мать твою двадцать! – удивленно присвистнул Герман. – Вот это номер!

Сидевший сзади Виктор привстал, бросил взгляд вперед и усмехнулся:

– Наши коллеги по маскараду?

В мотоциклах сидели немецкие солдаты. Один за рулем, один в коляске. Летняя форма, кителя с расстегнутыми пуговицами у горла, пилотки. Трое вооружены карабинами, у одного – MP-40. Обычные солдаты. Слегка небритые, форма не очень свежая. Сапоги не чищены по крайней мере сутки.

Видимо, встреча вышла обоюдно неожиданной. Мотоциклисты удивленно разглядывали странную машину с опознавательными знаками немецкой армии и не знали, как реагировать на ее присутствие здесь.

Первым пришел в себя Олег. Привычным жестом подкинув в руке пистолет-пулемет, дернул ручку двери.

- Надо поговорить с ними. Заодно выясним, что происходит.
- Думаешь, они тоже приехали поиграть в немцев? – спросил Артем.
- Сейчас выясним.
- Все выходим?
- Останься за пулеметом. Прикрой.

Олег глянул на пацанов, убедился, что они готовы к разговору и к тому, что за ним может последовать, и скомандовал:

- Пошли!

В их команде в случае возникновения нештатной ситуации именно Олег брал руководство на себя. Как наиболее опытный.

Вид трех гестаповцев в униформе и с оружием привел мотоциклистов в замешательство. Они явно чувствовали себя неуверенно. Быстро соскочили на землю и встали по стойке «смирно».

Не успел Олег задать вопрос, как рослый ефрейтор шагнул вперед и четко отрапортовал:

– Господин штурмбанфюрер, докладывает ефрейтор Винтке. Следуем из комендатуры в населенный пункт Ящеево.

Олег с трудом удержался от довольно глупого в данной ситуации вопроса: «Вы кто такие?» Вместо этого спросил:

- Где комендатура?
- В Новодолгино. Там же стоит наша рота.
- Кто кроме вас еще в Новодолгино?
- Охранный батальон майора Рихтера и взвод шуц-полицаев.

Парни опешили. Ситуация явно выходила за рамки нормальной. Откуда в райцентре могут быть немецкие подразделения и полицаи, когда после войны прошло почти шестьдесят лет? Что делают в русском лесу мотоциклисты в гитлеровской форме?

Немецким очень прилично владел Олег. Ходил в специализированную школу. Неплохо, хотя и с акцентом, разговаривал Артем. Герман и Виктор знали слов по сто, могли худо-бедно объясниться, но не более того.

Поэтому переговоры вел Олег. Остальные внимали в меру своего знания языка. Однако слова ефрейтора все поняли. Поэтому лица парней понемногу бледнели. Этого просто не могло быть!..

Видя, что гестаповцы молчат, ефрейтор осмелился спросить:

- Разрешите продолжать путь, господин штурмбан-фюрер? Нас ждут.

Последние слова он добавил, повинувшись интуиции. Что-то странное было в этих гестаповцах. Непонятное и тревожное одновременно. Все офицеры, но только у двоих кобуры с пистолетами. Пистолет-пулеметы держат в руках, сами напряженные какие-то. Может, партизан бояться? Тогда это все объясняет. Но все равно... непонятные они.

Олег не спешил с ответом, размышляя, как быть. Информации очень мало, мотоциклисты, по сути, ничего не сказали. Впрочем, они сказали главное – здесь хозяйничают немцы. А значит, шальная догадка Вити оказалась правильной. Хотя и невозможной.

Но этого было мало. Сейчас требовалась более подробная информация. Какой год, какой месяц и число? Где проходит линия фронта? Какова обстановка? Да много чего надо узнать.

С другой стороны, исчезновение двух мотоциклов с экипажами вызовет ненужную активность со стороны немцев. Вдруг они вышлют поисковую группу?

Вот и думай, братан, соображай! И быстро. Фрицы и так насторожились. Глядят недоверчиво. Форма, конечно, их пугает, но не до смерти же. А ну как доложат о странной встрече и начальство решит выяснить, что за гестаповцы шарят по лесам?

Последняя мысль показалась Олегу важной, и он уже хотел подать знак, но тут влез Герман.

Столь глубокий анализ обстановки он не делал, зато интуитивно оценил всю опасность их обнаружения. Шагнул вперед, скидывая МП-40, и рывкнул:

– А ну, хенде хох, мать вашу!

Немцы опешили. Огромный рост гестаповца, оружие и приказ, произнесенный на русско-немецком языке, заставили их остолбенеть. Но только на несколько секунд. О партизанах, надевавших немецкую форму, они слышали. И после первого испуга могли открыть огонь.

Олег, сам сраженный внезапным выступлением Германа, упредил немцев буквально на несколько мгновений. Стоявшему почти вплотную ефрейтору он всадил нож в горло, свободной рукой подхватил падающее тело и швырнул на второго мотоциклиста. А сам шагнул в сторону, вскинул одной рукой пистолет-пулемет на уровень бедра и дал очередь. В тот же миг открыли огонь Виктор и Герман.

Дружный залп из трех стволов с дистанции четырех-пяти метров уложил мотоциклистов на месте. Они даже не успели приготовить оружие.

Дальше все происходило по отработанной методике. Трупы свалили в овраг, туда же откатали мотоциклы и быстро закидали ветками. Трофеи забросили в машину.

– Дергаем отсюда! – крикнул Артем, внимательно наблюдавший за обстановкой. – Пока не засекли!

Мысль здравая, но вот куда дергать? Обратно в лес невозможно, они едва оттуда вырвались. В деревню? А если там немцы? В райцентр нельзя – там они наверняка есть. Куда?

– Давай вдоль леса! – предложил Герман. – Поищем нормальную дорогу.

Вариант не лучший, но другого нет. БТР понесся по дороге, поднимая за собой столб пыли.

2

– Мать твою! Мать твою! Твою мать!

– Вить, ты чего?

– Да ни х..! Чё за непонятки! Чё за фокусы! Мы где, ети ее в пень!

– Сам же сказал – в прошлом.

– Чё я сказал?! Так... двинул тему. А тут конкретный попадон!

Олег, теперь сидевший рядом с водителем, обернулся назад и сказал:

– И что теперь? Нервы тратить? Первый раз на разборках?

– На каких разборках? Это на войне разборки?

– Эх, Витя, Витя... Как маленький. Любая война – разборки. Только другого уровня.

Власть делят паханы государственного масштаба! И братков с каждой стороны побольше. А так все как обычно.

Виктор хмыкнул, покосился на трофейный карабин и вздохнул:

– Нервы поехали. Никак не соображу, куда нас занесло. И главное – как!

– Хрен его знает, Вить, – отозвался Герман. – Но Олег прав. Будем считать это большой разборкой. На чужой территории. Поэтому действовать надо осторожно и без шума.

– Ага, – подколот его Олег. – Как ты на дороге. Я едва зайкой не стал от твоего крика.

– Ну... – Герман кашлянул, виновато развел руками. – Извини. Сорвался. Тоже нервы сдали.

– Ладно, пацаны, – вклинился в разговор Артем. – С нервами покончено. Давайте думать, что дальше делать.

– Дорогу домой искать.

– Где?

– В лесу. Больше нигде. По идее, откуда нас выбросило, туда же и вернуть должно.

– Что?

– Что «что»? – не понял Олег.

– Что вернет?

– А хрен его знает! Главное – где вернет. Поэтому будем нарезать круги вокруг леса, пока не отыщем нормальную дорогу. Только теперь при встрече с немцами разговаривать буду я. Вы прикрываете.

– Я еще могу, – сказал Артем.

– Не надо. Твой немецкий отдаёт славянским акцентом. Раскусят.

– А твой?

– Баварским. Мне говорили.

– Язык нам нужен, – высказал мнение Герман. – А то так и будем вслепую ездить.

– Хорошая идея. Только где взять?

– Вот еще идея, – подал голос Виктор. – Те немцы говорили о полицаях. Найдем их и поговорим. Уж нашей формы они точно испугаются. И акцент не уловят.

Олег уважительно кивнул:

– Верно. Молоток, Свист. Соображаешь.

Витя довольно улыбнулся.

Свист – его погоняло в бригаде. Обычно драку он начинал с того, что оглушительно свистел, приводя тем самым противника в небольшое замешательство. Когда над ухом гремят такие децибелы, невольно вздрагиваешь и на секунду теряешь контроль. А секунды Вите хватало, чтобы свалить одного, а то и двух врагов. Удар-то у него нокаутирующий.

Конечно, кроме свиста были у Вити и другие прибаамбасы для отвлечения внимания. Но больше всего запомнился свист.

Кстати, по ходу дела. Погоняло, то бишь клички, были у всех. Обычно их дают, отмечая какую-нибудь яркую черту внешности или характера. Либо сокращают имя или фамилию.

Герману придумали погоняло, сократив имя – Гера. Артема звали Тём. Олега – Град. От фамилии Градов.

Опять же в последнее время они редко называли друг друга по погонялам. Но здесь, на отдыхе, вспоминали старое...

Проскочив километров восемь, они уперлись в шлагбаум. Дорогу преграждал пост охраны. Два солдата и один полицейский из местной комендатуры. Несомненно, поставленный для разговора с гражданскими, что ходили через пост.

БТР с гестаповцами пропустили сразу, как только разобрали, кто сидит внутри. Машина проехала мимо, почти не снижая скорости. Артем кинул взгляд на застывших по стойке «смирно» немцев, кивнул и порулил дальше.

Сзади Герман шептал Олегу:

– Если в деревне никого не найдем, можно того лоха прихватить.

Олег кивнул.

– На крайний случай. Не то фрицы хватятся.

– Кто?

– Фрицы. Ты че, забыл, как их называли?

Герман почесал затылок и пожал плечами. Забыл.

Согласно карте, вокруг леса стояло пять деревень. Одни ближе, другие дальше. Но карта показывала состояние на начало двадцать первого века. То есть реальные размеры населенных пунктов. А здесь-то прошлое. И деревни все большие, многолюдные. Как выбрать подходящую?

Действовали так. БТР подъезжал километра на три к деревне. Олег и Артем рассматривали ее в бинокли. Если видели немцев или не видели полицаев, то ехали дальше. К следующей деревне. А там опять все сначала.

Таким образом они проскочили три деревни. Были подходящие моменты: в одной деревне вообще видели сразу пять полицаев, но там же были и немцы... То есть лезть опасно.

Заодно искали более или менее нормальную дорогу в лес. Но пока глухо. И с языком, и с дорогой.

– Пацаны, не мешало бы перекусить, – подал идею Герман, когда они отъехали от третьей деревни. – Эдак до утра будем кататься, а желудок уже воет.

– Он у тебя всегда воет, – рассеянно произнес Артем. – А до утра никак не покатаемся.

– Почему?

– Если еще пару раз проскочим мимо поста, немцы решат, что мы спятили или заблудились. А нам лишний интерес ни к чему.

– А-а... Верно. Но пожрать все равно надо.

– Давай, – согласился Виктор. – Вон место неплохое.

Он показывал на крохотную полянку на окраине леса что была отгорожена от дороги редким кустарником.

– Идет. Олег, сворачивай.

Олег (он сейчас вел машину) глянул в указанном направлении и повернул руль.

БТР поставили за молоденькой березкой, тем самым скрыв от мимолетного взгляда с дороги. Сами сели неподалеку, в тени деревьев. Расстелили брезент, вытащили припасы и начали готовить обед. С продуктами у них был полный порядок, так как везли припасы на себя, питейцев и девчонок (а тех должно быть никак не меньше пяти). Даже шашлык в термоупаковке. Словом, на автономном питании они могли протянуть недели три.

С шашлыка и начали. А еще нарезали помидоры и огурцы, помыли зелень, выложили лаваш. В придачу к мясу вытащили бастурму и фасованную буженину. Последнее по своей инициативе достал Герман.

Немного поспорив, вытащили и бутылку водки.

– По сто грамм, – предложил Витя. – Как на фронте. Мы как раз...

– Как раз мы за линией, – перебил его Артем. – Но ты прав, принять надо. Для расслабона.

Выпили, закусили и принялись за еду, не забывая посматривать по сторонам. Артем, воспитанный на спецназовских традициях, вообще хотел одного выставить в дозор. Но пацаны отговорили. Нечего перебирать. Артем сдался. Нет так нет.

Выпили еще. Опять закусили. Настроение пошло вверх. Ситуация больше не казалась катастрофической. Всяко бывает. Главное – живы, а там посмотрим.

– Эх, хорошо! – заявил Герман, падая на брезент и хлопая себя по пузу. – Как на пикнике. Природа, солнышко, ветерок... Теперь бы для счастья бабу. И хрен с ним, с прошлым.

Витя фыркнул, подмигнул Олегу. Елейным голосом произнес:

– А ты поищи. Тут же настоящие эсэсовочки есть. В полной форме. Найдешь – трахай не хочу!

Герман приоткрыл один глаз, смерил взглядом насмешника, буркнул:

– Ты чего так запал на моих баб? У самого не стоит, так завидовать начал?

Олег упал на брезент, задыхаясь от смеха. От бессилия выпустил из руки помидор. Его крупное тело сотрясали спазмы хохота.

Витя тоже смеялся, смахивая слезы с ресниц. Гера таки уел его. Артем тоже засмеялся, а закончив, не меняя голоса, сказал:

– Пацаны, за нами секут. Только не дергайтесь.

Олег чуть повернул корпус, пододвигая ближе МР, и прошептал:

– Откуда? Кто?

– Из леса. От раздвоенной березы. Трава высокая. Шевелится сильно, а ветер слабый.

– Мать! – Виктор качнул корпус, словно падая вбок, а сам снял рычаг затвора с выреза.

– Сколько их?

– Понятия не имею. Не больше четырех.

Герман сидел лицом к месту предполагаемой засады, поэтому, почти не разжимая губ, прошипел:

– Что делать будем?

Пацаны торопливо соображали, как быть. Они сидели на открытой местности, как на ладони. Чтобы расстрелять их из засады, достаточно одного автомата. Или пистолет-пулемета. При желании можно и гранатами закидать. До кустов метров тридцать. Вот так влипли.

Все четверо имели огромный опыт скоротечных схваток на коротких и средних дистанциях, причем в разных условиях. Город, лес, замкнутое пространство. Все умели работать как в составе группы, так и в одиночку.

Артем и Олег вообще прошли специальную подготовку. Помимо этого все много раз участвовали в страйкбольных боях именно в составе четверки. То есть были сыграны как единый коллектив. И пусть страйкбол – игра, но она дает неплохое представление о тактике боя.

Так что они понимали друг друга с полуслова, а то и вовсе без слов. И сейчас, несмотря на расслабленное состояние, на некоторую степень опьянения и весьма невыгодную позицию, они были готовы к немедленным действиям. Только к каким?..

* * *

– По сигналу – в стороны, – шептал Артем. – Я бросаю гранату, после мы с Герой давим огнем, а Свист и Град с двух сторон обходят их.

– Я один, – поправил его Олег. – Вы давите втроем. И две гранаты.

– Да. На счет три. Раз... Два...

Парни, вроде продолжая пир, на самом деле готовились к сшибке. Отлично понимая, что могут не успеть...

Всю жизнь Степке Корнюхину везло. И когда его, только родившегося, вынесла из горячей избы мать. И когда она же спасала его от голодной смерти в разгар гражданской, скармливая паршивый, испеченный из соломы и отрубей хлеб. И когда семилетнего отпаивала лекарствами, добытыми у белогвардейского фельдшера, платя за пилюли и микстуры своим телом.

И потом Степке везло. Его не свалил тиф, не свел в могилу голод. Его, десятилетнего, вытащил с помойки, где он с приятелями-голодранцами искал чего пожрать, молодой парень из ЧК и отвел в приют. Повезло в тридцатом году, когда семнадцатилетний Степка чуть не погиб в заводском цеху, где взлетела на воздух цистерна с бензином.

Судьба и дальше щадила удачливого парня. И в армии, где уберегла от осколков не долежавшего до цели снаряда. И в колхозе, на горящем складе зерна.

Даже война пока берегла Степана. Его не успели призвать в армию. Держали бронь до последнего, как трактористу. А когда пришли немцы, то не забрали сразу. И в партизанском отряде Степан воевал пока нормально. Не получал ран, хотя за спинами других не прятался.

Словом, есть за что благодарить и родителей, и судьбу, и себя. Жив ведь, и ладно.

Судьба ограждала его долго и упорно. Но в этот день то ли забыла о своем баловне, то ли на миг отвернулась. И неугомонный Степка Корнюхин едва не влетел в холодные объятия смерти. По своей глупости.

Командир партизанского отряда приказал провести разведку подходов к Новодолгино и выяснить, как охраняется райцентр и где казармы немцев. В принципе подобная информация у него была от добровольных помощников – жителей Новодолгино. Но в разведке какой главный принцип? Верно – не полагаться на данные одного источника. Тем более если источник – гражданский.

Напарник Степана – Семен Гнедых. Окруженец. Ефрейтор, заместитель командира отделения. Топал, топал от границы и дотопал до здешних мест. Дальше ходу не было – немцы ушли вперед и перерезали дороги. И стал Семен партизаном. Второй год воюет.

Разведчики затемно вышли в дорогу, незаметно пересекли шоссе и оказались в Жуковском лесу. Отсюда можно дойти до Галкино. Там живет партизанский связной. Он поможет попасть к райцентру. А дальше – само дело. Искать, наблюдать, считать. И чем больше, тем лучше. Командир дал им неделю сроку. С запасом.

Немецкую машину, смахивающую на бронетранспортер, они заметили, когда только выходили из леса к Галкино. Немцы медленно ехали по дороге, словно что-то выискивая.

– Чего они здесь шарят? – размышлял вслух Семен. – Что-то пронюхали о нас?

– Тогда бы не здесь, а в Семиникинском лесу искали.

– А они могут и не знать точно, где отряд.

Партизаны напряженно следили за вражеской машиной, гадая, куда она поедет. Но та, как подслушав их мысли, вдруг свернула к лесу. И встала неподалеку от того места, где сидели разведчики.

Измученным взорам партизан предстала четверка гестаповцев, решивших устроить завтрак на природе. Бойцы, отнюдь не избалованные разносолами на скудном лесном рационе, с завистью и злостью следили, как немцы расстлали большой кусок брезента и доставали продукты.

– Вот гады! – шептал Степка. – Жратвы натащили, весь отряд можно неделю кормить. Даже водка есть.

– Странные они какие-то... Словно не знают, что здесь партизаны есть. Или вовсе не боятся...

– А давай у них жратву отнимем, – предложил Степан. – И сами поедем, и нашим отнесем.

– Да ты спятил?! – раздраженно зашипел Семен. – У нас приказ командира провести разведку. А мы что? За едой полезем?

– Почему? – не уступал Степан, которому запахи жареного мяса кружили голову. – Мы их в плен захватим и допросим. Они-то о райцентре больше знают, чем другие.

Семен с сомнением посмотрел на немцев и промолчал. Идея Степки не так плоха. Но захватить фрицев в плен будет нелегко. Все как на подбор здоровенные, откормленные. Плечи широкие, шеи толстые. И рожи такие... Семен повидал за свои двадцать четыре года разных людей. И научился немного разбираться в них. Так вот, эти четверо внешностью и манерами походили на очень сильных людей, облеченных огромной властью. Таких трудно чем-то испугать. Скорее сами испугают до заикания.

– Не будем их трогать... – высказал он свое мнение. – Подождем, пока уйдут, и сами пойдем.

Но Степан решил наказать зажавшихся гадов и не думал отступать. Да и поймать сразу четырех гестаповцев... командир за это не только не будет ругать, но и, может, наградит.

– Ты отползи метров на двадцать и держи их на прицеле, – шептал Степан. – А я выйду вперед. Будут рыпаться – стреляй. Не всех, так одного захохотаем.

Семен подумал и согласился.

– ...Два... три... – едва шевеля губами, считал Олег оставшиеся до рывка мгновения.

Парни уже замерли в готовности прыгнуть в разные стороны и открыть ураганный огонь. И вот когда Олег тихонько произнес: «Три!», кусты у раздвоенной березы шевельнулись, и на открытое место вышел молодой парень в полувоенной форме с пистолет-пулеметом наперевес и громко скомандовал:

– А ну, хенде хох, фрицы!

В другой ситуации они, может быть, и замешкались – больно неожиданно тот вылез и заговорил по-русски. Но сейчас никто не обратил внимания на слова. Перед ними был враг, и следовало действовать как можно быстрее.

Олег уже допрыгнул до ямки и проворно полз вправо, обходя противника с фланга. А остальные разлетелись по сторонам, заняли заранее выбранные позиции и открыли ураганный огонь.

Дружный залп из трех стволов заставил вылезшего врага нырнуть обратно, за спасительную толщ дерева. Справа вдруг ударил карабин. У противника было прикрытие.

– Граната! – рывкнул Артем.

И Герман запустил по дуге стальной овал РГД. Рвануло в метре перед деревом. Волной и осколками сорвало листья и мелкие ветки. Они засыпали Степана, на миг засорив глаза.

Поняв, что засада не удалась, он попробовал сменить положение, но очереди из МП заставили его вжаться в землю и замереть. Пули стригли траву у самого носа. О маневре следовало забыть.

Олег перекатом достиг крайних деревьев, оттуда короткими перебежками добрался до удобной позиции и засек второго противника. Тот лежал за кустами, паля по пацанам из немецкого карабина.

Стараясь не шуметь, Олег зашел ему в тыл, взял на прицел и крикнул:

– Замри!

Степан лихорадочно искал выход из положения, слушая свист пуль над головой. Немцы оказались очень шустрыми и успели ответить на нападение. Теперь не о трофеях и жратве надо

думать, а о том, как спасти свои шкуры. Но фрицы прижали его крепко. И Семен куда-то исчез. Неужели подстрелили?

Стрельба вдруг стихла. Степан осторожно поднял голову, пытаясь разглядеть немцев. И тут услышал крик:

– Эй, парень! Твой кореш у нас в руках! Если не хочешь, чтобы его пристрелили, выходи с поднятыми руками.

Если бы немцы вдруг обернулись медведями, он не был бы так ошарашен. Гестаповцы говорят на русском! Как так? Не может быть.

Еще не веря своим ушам, Степка опять выглянул из-за дерева и увидел Семена, стоящего с поднятыми руками, а рядом с ним одного из фрицев.

Выходить ему не хотелось. Но и оставлять друга в руках врага негоже. Ладно, погибать, так вместе.

Степан вытащил гранату из-за пазухи, разогнул усики и чуть выдернул чеку. Взяв гранату в левую руку, а пистолет-пулемет в правую, встал и сделал шаг вперед.

Трое немцев стояли метрах в двадцати, нацелив оружие на него. А четвертый встал за Семеном. Того поставили на колени и велели заложить руки за голову.

– Брось оружие! – скомандовал самый большой из них.

Степан отбросил МП в сторону.

– А гранату осторожно положи на землю, – насмешливо попросил другой фриц.

Степан выругался про себя, помедлил, не зная, как быть. Рвануть гранату сейчас. Но враги, несомненно, успеют залечь, предварительно нащипговав его свинцом. Погибнут только он и Семен. Бестолково и бессмысленно. И зачем только они полезли к этим фрицам, говорящим на русском, как на родном?

– Живее.

Степан вернул чеку на место и даже опять согнул усики. Положил гранату, катнул ее носком сапога и сделал два шага вперед.

– Ваша взяла, ублюдки фашистские! Ничего вам не скажу, стреляйте!

Артем подошел к парню, развернул его спиной, поставил на колени и быстро охлопал, ища оружие. Потом толкнул в спину, заставляя парня упасть лицом вниз, и криво усмехнулся:

– Как в кино – режь, не скажу! Герой, ети его мать!

Олег привел второго, уложил рядом, отступил назад и глянул на своих.

– Пуля просвистела над головой. Взял бы чуть ниже, и все. Каюк!

– Мужики, – проговорил один из пленников. – Вы свои, что ли?

– Закрой пасть, мудила! – пнул его сапогом Герман. – Не то язык вырву.

После боя, как это всегда бывает, наступил отходняк. Пацаны стояли неподалеку от пленных, глубоко дышали, успокаивая нервы, и смотрели на лежащих в траве.

– Партизанен! – с ярко выраженным немецким акцентом сказал Артем. – Русиш швайне! Потцтаузенд!³

Немецкая речь не добавила оптимизма партизанам. Семен повернул голову к Степану и прошипел:

– Жратва, жратва! Доигрались! Конеч.

– Надо уходить! – также негромко говорил своим Артем. – Если немцы услышат стрельбу, пришлют сюда отряд. Нам лишние проблемы ни к чему.

– А с этими что? – спросил Витя.

– Допросим и отпустим.

– Заложат, – несогласно покачал головой Герман.

³ Тысяча чертей! (нем.)

– А ты что предлагаешь? Завалить? Это же свои.

– Эти свои нас чуть на тот свет не отправили.

– Приняли за немцев. Не забывай, где мы.

Герман сердито хмыкнул, но настаивать на расстреле не стал.

Олег подошел к пленным, присел рядом. Резким, не допускающим увиливаний и запирающий голосом произнес:

– Значит, так! Вы нам не нужны. За нападение на офицеров великой Германии вас надо расстрелять. Но мы сохраним вам жизнь, если вы ответите на наши вопросы. Малейшая неточность или молчание – и вам не жить. Ясно?

Партизаны молчали. Не знали, что говорить. Предать своих нельзя. Но если не отвечать – убьют. Вот и думай.

Это только в кино отважные советские партизаны гордо вскидывают голову и презрительно кривят губы в ответ на предложение немцев сдать своих. На самом деле молчать, зная, что тебя сейчас шлепнут, могут только очень и очень немногие. Еще меньше будет молчать, зная, что его станут пытаться. Зачастую это хуже немедленной смерти.

И не надо спешить осуждать их. Лучше представьте себя на их месте. Это с вас сейчас начнут сдирать кожу и загонять иголки под ногти. Вам ножом будут ковыряться в животе. Вам состругивать с пальцев кожу и мясо до кости.

Вытерпеть такое могут только те, кто заранее психологически сумел отстроить себя от своего тела и погрузиться в своеобразный транс. Да, такое возможно, хотя из ста человек один-два терпят до конца. Остальные срываются. И потом, перенести пытку – одно, а перенести отходняк после нее и после трансa – другое. Нервную систему еще никто не пробовал отменить. И болевое воздействие ломает самых стойких.

Олег, не меняя положения, врезал пистолет-пулеметом по шее партизана. Тот охнул и ткнулся лицом в землю.

– Ясно или нет?

– Дай-ка я. – Герман подошел ко второму и носком сапога поддел того под ребра.

Партизан скривился и заорал.

– Захлопни пасть, щенок! Тебя спрашивают – говори.

– Да, – сквозь всхлипы выдавил Степан. – Мы... скажем.

– То-то, – удовлетворенно хмыкнул Олег. – Какое сегодня число, месяц и год?

– Чего? – удивленно поднял голову Семен.

– Повторить?

– Нет! Я понял. Семнадцатое июля сорок третьего года.

– Уже лучше. Поехали дальше.

За пять минут он вытянул из партизан все, что те знали. Где какие немецкие части стоят, какими силами располагают. Где комендатуры, где районная управа. Сколько полицейских из вспомогательных подразделений. Где базируется партизанский отряд. Сколько человек, какие задачи перед ним стоят. Где проходит фронт.

Партизаны, окончательно переставшие понимать, что происходит, и подгоняемые подзатыльниками и пинками, говорили искренне. Или почти искренне.

Получив информацию, Олег оставил партизан лежать, а сам отошел с парнями чуть в сторону.

– Ну что, данные у нас есть. Конечно, не самые точные, но и этого хватит. Надо уезжать.

– А этих отпустим?

- Не с собой же тащить. Возьмем оружие...
- И одежду, – предложил Виктор.
- Зачем?
- Чтобы не очень шустро к своим бежали. Нам еще хлопот с партизанами не хватало.
- Угу. В общем, заберем все и отпустим.

Когда гестаповцы (партизаны на этот счет имели сомнения, но как же еще их называть?) объявили, что отпускают их, Семен сперва решил, что они так шутят. Дадут отойти метров на двадцать, а потом выстрелят в спину. Доверять врагам нельзя.

- А оружие? – несмело спросил Степан.
- Мы его заберем. Как трофеи. И еще – скидывайте одежду. Штаны и куртки.
- Зачем?
- Затем! – рявкнул светловолосый гигант. – Делай, а не п...ди!

Мат окончательно уверил партизан, что перед ними свои. И эти свои требуют отдать оружие и одежду?!

- Не дам, – дерзко ответил он. – Что же нам, голыми по лесу идти?

Судьба, как было сказано, отвлеклась на миг, предоставив Степана самому себе. Чем он немедленно и воспользовался, попробовав вскочить на ноги...

- Ах ты, лох! – взъярился Герман. – Зубы скалить вздумал!

Чудовищной силы удар опрокинул Степана на землю. Второй удар выбил из него дух. И сознание.

Семен, вздумавший помочь товарищу, получил удар в челюсть. Бил нокаутер Витя, и результат можно было предсказать заранее. И счет не нужен.

Хлопки по щекам привели партизан в себя. Чувствуя себя паршиво, они больше не пытались перечить странным немцам. Покорно сняли бриджи и куртки, стащили обувь, отбросили все в сторону и замерли в ожидании новых приказов.

Артем и Герман к тому моменту сорвали по паре тонких веток с деревьев. Опробовали их, несколько раз ударив по воздуху, и подошли к дрожащим (не от холода) партизанам.

– Кругом! Живо! Вот так! А теперь... – Герман замахнулся и опустил прут на зад Семена. – Марш вон!

Подгоняемые самодельными розгами, партизаны развили максимально возможную скорость, подпрыгивая и крича от боли. Тонкие прутья без жалости секли кожу на ногах, спине и... чуть ниже.

3

Большую толпу жителей они увидели еще на подъезде к деревне. Около сорока женщин, детей, стариков медленно шли вдоль домов. Судя по всему, этот поход не был добровольным. Потому что многие кричали и плакали, а кое-кто падал на землю.

Сопровождали странное шествие семеро полицейских, одетых в комбинированную форму: сапоги и бриджи советского образца, а кителя и головные уборы – немецкого. Вооружение состояло из винтовок Мосина. У старшего полицейского – МП-40.

– Это чё такое? – недоуменно протянул Герман, разглядывая толпу в бинокль. – Типа, на работы ведут?

– Думаю, их или в заложники взяли, или увозят в Германию, – ответил Олег. – Я о таком слышал. Да и в кино видел.

- Так то кино.
- Не все, что там показывают, – вранье.

Парни наблюдали за деревней с развилки дороги. Отсюда населенный пункт был виден как на ладони.

– Что делать будем? – задал вопрос Виктор. – Если брать языка, то лучше ситуацию не найти. Полицаев семеро, немцев не видно.

– А зачем нам язык? – сказал Герман. – Что надо, мы узнали от этих придурков. Лезть на рожон нет смысла.

Артем опустил бинокль и почесал лоб. Глянул на своих.

– Мы до сих пор не нашли дорогу в лес. Партизаны ничего толкового не сказали. Их тропинки и дорожки нам не подходят. Местные знать должны. И потом, надо точно знать планы полиции и немцев на ближайшие дни. Вдруг они собираются проводить операцию в лесах? Попадем под раздачу.

– Вот сука! – выругался Герман. Он все смотрел в бинокль. – Бабу беременную прикладом в живот. Урод! Слышь, пацаны, этих легашей надо валить! Суки беспредельные, совсем берега потеряли!

– Ну что? Едем?

Олег глянул на Артема и Виктора. Те молчали.

– Как?

– Да поехали. Только после этого – в лес. Если не найдем нормальной дороги – бросим машину. Хер с ней! Ноги бы унести.

– А не найдем место перехода?

– Найдем. Весь лес перероем, но найдем!

Сенька Хмырь, бывший налетчик, вор со стажем, а нынче командир взвода полиции Новодолгинской комендатуры был зол сверх всякой меры. Мало того что его выдернули из теплой постели и заставили ехать в Залескино обеспечивать отправку очередной партии рабочих в Германию, так еще и пригрозили: не соберет нужного количества людей – сам поедет. Со своими полицаями.

Начальник комендатуры капитан Хрункель недвусмысленно намекнул Хмырю, что его судьба висит на волоске. А после событий недельной давности, когда партизаны почти беспрепятственно сожгли склад с мукой и выкрали помощника коменданта, доверие к полиции и вовсе было утрачено.

Коменданта Сенька боялся. Тот умел заставить подчиняться любого, невзирая ни на что. Полгода назад Хрункель расстрелял старого Сенькиного кореша и подельника Ивана Длинного. Только за то, что тот не вывел взвод на усиление к железной дороге. Правда, мела метель, мороз был под тридцать. Но капитана это не интересовало. Ивана вывели во дворик комендатуры, зачитали приказ и шлепнули. А Сенька стоял неподалеку в строю взвода и смотрел, как расстреливают кореша. И все полицаи смотрели.

С того дня Сенька стал взводным. И теперь получал все плюхи от начальства.

* * *

И настала у Сеньки черная полоса жизни. Если раньше его все устраивало: и служба, и возможность развлекаться по своему желанию, и власть над людьми – то теперь все было плохо.

За то, что его ребята поиграли с двумя пятнадцатилетними девочками из райцентра (между прочим, дочерьми партизан!), капитан велел тех выпороть и посадить в карцер. А Сеньке сказал, что в следующий раз прикажет пустить насильников в расход.

Этого Хмырь понять не мог. Для чего они шли в полицию? Чтобы мстить Советам за себя и делать что хочется! Ну и еще служить новым хозяевам. А что выходит?

Этого нельзя, то запрещено, за это наказание! Можно четко и беспрекословно выполнять приказы, лезть под пули партизан, проводить запланированные конфискации у населения и участвовать в мероприятиях комендатуры. Под строгим надзором со стороны немцев. Братцы, где воля?!

Сенька этого не понимал, впрочем, как и его люди. Воевать, конфисковать, усиливать, ловить – понятно. А отдохнуть хорошенько? Попить, погулять, девочек помять – это нет? Несправедливо.

Не раз и не два думал Сенька уйти от немцев. Но ничего путного не надумал. К партизанам нельзя – тут же шлепнут. За былые подвиги. Бежать в Германию? Шлепнут по пути. Везде его ждало одно – пуля. Оставалось одно: продолжать служить и ждать подходящего момента.

Сенька и ждал, постепенно наливаясь дикой, необузданной злобой. На немцев, на Советы, на людей. Даже на своих корешей. Никому нельзя верить! Рассчитывать только на себя. И драться за кусок до последнего.

Невесела участь предателя, нелегка. Нигде не найти ему приюта. Никто не любит изменников. Даже немцы.

По списку следовало отобрать для отправки пятнадцать человек в возрасте от четырнадцати до тридцати лет. В основном это были подростки и молодые женщины. Мужчин в селе давно нет. Кто в армии, кто в партизанах.

Сенька заранее знал, что в Залескино не наберет нужное количество, и загодя отправил десяток человек в соседнее село. Хрунkelю не все равно, откуда рабочая сила?

Остальных следовало вести в райцентр. Хмырь точно не знал, но слышал, что гестапо решило ликвидировать деревню, потому что та была близко к лесу и почти не контролировалась. А это значит, что она наверняка помогает партизанам.

В планах немцев на это лето было полное уничтожение партизан не только в районе, но и в области в целом. В области несколько крупных железнодорожных станций, и от их бесперебойного функционирования зависит график поставок на фронт. Нельзя позволять партизанам срывать стратегические замыслы немецкого командования.

Сенька насчитал в деревне сорок семь человек. Двенадцать шли по списку, остальных надо гнать в Новодолгино. Заранее представляя себе, сколько времени уйдет, пока толпа доползет до места, Хмырь кривил губы и вполголоса матерился.

Причем надо гнать через соседнее село. Туда собиралась приехать команда из гестапо, проводить предварительный отбор подозреваемых в связях с партизанами. Тех увезут сразу. Остальных – гнать пешком.

С гестапо Хмырь связываться не хотел ни при каких обстоятельствах. Слишком легко из союзника стать арестантом. Но приказ есть приказ.

Как и следовало ожидать, добровольно уходить из дома никто не хотел. И незваных гостей встречали крик, причитания, плач и вой. Бабский. Мальчишки лет двенадцати – четырнадцати молчали и смотрели на полицаев с нескрываемой ненавистью.

Приходилось действовать силой. Прикладам и пинками вышвыривать на улицу, гнать по дороге к месту сбора, присматривая, чтобы никто не ускользнул. И так в каждом доме. Неудивительно, что через полчаса подобной работы полицаи озверели и уже не разбирали, кого бить – старуху, пацана или бабу.

* * *

Ту ясноглазую девицу Хмырь заметил сразу, когда толпа усилиями полицаев была выставлена на дороге. Стройная, с длинной косой, высокой грудью и плавной походкой, она привлекала к себе внимание даже в наряде старухи. Наверное, специально вырядилась, чтобы не заметили.

Но Хмырь заметил и теперь шел сбоку от нее, поглядывая на гордый профиль и прикидывая, как бы оставить дивчину себе. Его прежняя любовница Настька окончательно спилась и больше походила на высохшую каргу, чем на женщину. А Хмырь баб любил и долго без них не мог.

Следовало только скрыть от Хрункеля этот факт и задобрить своих гавриков, чтобы держали языки за зубами. Вот Сенька и соображал, не обращая внимания на крики и плач, висевший в воздухе. Не впервой.

Бронетранспортер он заметил только после того, как его окликнул помощник, Коля Хват. Машина незнакомой модели вырулила из-за крайнего дома и встала на дороге, перегородив толпе путь. Сенька разглядел на бортах кресты и пулемет на турели.

Из машины не спеша вышли четверо немцев в форме гестапо.

«Мать моя! Явились! Неужели решили здесь провести фильтрацию?» Сеньку прошиб холодный пот. Слишком уж страшно выглядели гестаповцы. И где таких откопали? Огромные, широкие, лица как на подбор мрачные. Больше подходящие громилам, чем офицерам.

Немцы подошли ближе, с интересом разглядывая полицаев и жителей. Те, кстати, тоже притихли. Испугались. Да и как таких не пугаться. Головорезы.

Почувствовали себя неуютно и остальные полицаи. О гестапо ходило слишком много слухов, чтобы сохранять спокойствие поблизости от них.

– Was mashen sie hier? – спросил старший – высокий, коротко стриженный брюнет. Он небрежно цедил слова, словно делал одолжение.

Сенька почувствовал, как потек холодок между лопатками и как враз пересох язык. По-немецки он знал несколько слов: хайль Гитлер, Сталин капут, яволь, найн. Его подручные – и того меньше.

– Каспадин штурмбанфюрер спрашивает, – на ломаном русском перевел стоящий справа от начальника гестаповец, – что вы делать?

– А-а... – Сенька едва выговаривал слова. – Мы это... по приказу коменданта проводим отбор местного населения для отправки в Германию. Арбайтен.

Сенька на пределе возможного вспомнил еще одно слово и покрылся испариной. Черт побери этих гестаповцев! Заставляют трепетать его – вора!

– О! Ich ferstee... – дернул краем губ штурмбанфюрер. И закатил длинную фразу. Переводчик поучительно выслушал и перевел.

– Каспадин штурмбанфюрер хочет знать, что еще приказаль комендант?

– Еще? Остальных отвести в село Портягино. Там они должны быть допрошены сотрудниками гестапо. А потом всех в Новодолгино.

Позади в толпе послышались крики. Люди все слышали и заранее оплакивали свою судьбу.

– Наверное, мы должны отвести всех к вам, да?

Переводчик зашептал на ухо штурмбанфюреру, тот согласно закивал, опять что-то сказал.

– Кто должен проводить допрос?

– Э-эти... ваши... С города. Я толком не знаю.

– Они сейчас в Портягино? – по собственной инициативе задал вопрос переводчик. Акцента в его голосе стало заметно меньше.

– Д-да...

Гестаповцы смотрели на полицаев, на толпу и что-то обдумывали. Потом двое обошли толпу и встали позади полицаев. Те чувствовали себя все более неуютно.

Герман не спеша обошел стоявшего на дороге полица (тот поспешно отступил в сторону) и встал напротив женщины, к которой жались трое маленьких детишек. Им было лет по пять-шесть. Одеты плохо, худые, глаза смотрят испуганно. Женщина прижимает детей к себе, взгляд задрожавший. Ничего хорошего от немца не ждет.

Взгляд Германа скользнул по толпе и вдруг наткнулся на молодую девушку, одетую в старое, до предела изношенное платье и какой-то жакет. На голове платок, на ногах стоптанные ботинки непонятно какого фасона. Но даже в этом страшном наряде она выглядела переодетой королевой.

Синие глаза, яркие губы, мягкие черты лица. Платье уродует, но не в силах скрыть ладной фигуры.

Хмырь заметил оценивающий взгляд гестаповца, когда тот рассматривал ту красивую дивчину, и недовольно покривил губы. Если немец захочет, он увезет девчонку с собой. А ему ничего не достанется.

Такая перспектива ему не понравилась, и Сенька неожиданно для себя раскрыл рот:

– Господин штурмбанфюрер, вы разрешите вести людей дальше?

Немцы не спешили с ответом. Трое ходили вдоль толпы, с интересом разглядывая детей и стариков, а старший гестаповец с каким-то любопытством смотрел на самого Хмыря и на его подчиненных. Что он хотел увидеть?

– Господин штурмбанфюрер...

– Умолкни, урод! – вдруг раздалось за спиной.

Хмырь круто развернулся и с разинутым от удивления ртом взглянул на того высоченного немца. Это он заговорил на чистом русском языке.

– Н-не понял?..

– Чё ты не понял, лох? Сказал, захлопни пасть.

Пистолет-пулеметы, до этого висевшие на плечах двоих немцев, в мгновение ока оказались в руках. Еще один выставил вперед оружие странного вида. Хмырь такого никогда не видел и не мог опознать в нем штурмовую винтовку StG. Главный немец стоял, по-прежнему заложив руки за спину. МП висел на плече, но Сенька понимал: перехватить его для стрельбы – дело одного мгновения.

– Оружие на землю, – проговорил стоявший слева от полицаев гестаповец. И тоже на русском: – Живо.

– П-постойте... – заикаясь, проблеял Игнат Забитюк, подручный Хмыря. – В-вы не немцы?

Ближе к нему стоял широколицый немец с небольшим шрамом на подбородке (Витька получил его в одной из схваток). Немец шагнул ближе и неуловимо быстро пнул Игната в пах. Того скрючило. Немец добавил кулаком по шее, и Игнат рухнул ему под ноги.

– Вы чё, мудаки, не поняли? Оружие на землю, руки вверх! Кто рыпается – нафаршируем свинцом! Ну?!

Полицики медлили, не зная, что делать. Сопrotивляться бесполезно. Им это только что показали. Но бросать оружие?..

Хмырь, услышав русскую речь, а главное, словечки из блатного жаргона, моментально сообразил, что перед ним не гестаповцы, а кто-то из своих. В смысле – из русских. Сенька

слышал, что на фронте воевали зеки, кровью искупавшие вину перед законом. Может, эти из них?

В принципе от этого не легче, но все равно иметь дело с красными уголовниками и блатными лучше, чем с гестапо.

– Чё за треп, братва? – спросил он, лихо сплевывая сквозь зубы и делая шаг вперед. – Не по закону расправу творите. Без толковища, без...

Договорить ему не дали. Старший «гестаповец» без размаха выбросил кулак, и Сенька рухнул на землю. Нокаут.

Когда Олег уложил главного полицая, Артем чуть повел стволом МП, скашивая сразу двух стоявших почти вплотную к нему полицаев. А потом снес и третьего, пытавшегося снять с плеча карабин.

Герман угомонил еще одного. Последнего убрал Витя. На глазах испуганной и удивленной толпы четверо немцев уложили всех полицаев, причем пятерых насмерть. На земле лежали Сенька и Игнат. Они слабо шевелились, издавая стоны и проклятия, и пробовали встать. Но выходило плохо.

– Ой, господи! – запричитала седовласая старушка в цветном зипуне, одетом несмотря на теплую погоду поверх кофты. – Сыночки... Вы кто?

– Молчать! – рявкнул Артем. – Рот не разевать! Стоять тихо. Кто пискнет – пожалеет!

* * *

Нет, он их не страшал. Не собирался убивать или наносить какой-либо вред. Просто пацанам сейчас нужна была тишина и полное невмешательство толпы. Без паники и радости из-за неожиданного избавления.

– Сейчас вы разойдетесь по домам. Молча. И быстро. А потом соберете вещи и уйдете отсюда, – продолжал объяснять Артем.

– Куда?

– Куда хотите. Вам не простят убийства полицаев. Ясно?

Толпа молчала.

– Ясно или нет? – рявкнул Олег.

– Ясно, ясно! – заголосила толпа.

– Понимаем.

– Сейчас соберемся...

– Все! Разошлись!

Жители бросились по домам, спеша забрать самое ценное и уйти. В том, что их не оставят в покое, никто не сомневался.

– Постой... – Герман положил руку на плечо девушке, на которую засмотрелся.

Та остановилась, испуганно глядя на огромного гестаповца снизу вверх. Сейчас, вблизи он не выглядел таким уж и страшным, но все равно ей было не по себе.

– Как тебя зовут?

– Нина.

– Нина. – Герман расплылся в улыбке. – Красивое имя. Скажи, красавица, ты местная?

– Да, – робко кивнула Нина.

– Отлично. Может быть, знаешь, есть ли дорога в лес. Такая, чтобы могла пройти машина.

Герман указал на БТР.

– Дорога есть. Надо доехать до Липатовки, до развилки и свернуть в лес. Дорога сначала идет плохая, но метров через пятьдесят будет шире. Ваша машина пройдет.

– Молодец, – улыбнулся ей Герман. – Это важно.

– А... – набралась храбрости Нина. – А вы не немцы?

– Мы? – Герман глянул на себя, похлопал по груди. – Мы самые настоящие, всамделишные фрицы. Прямо из Берлина.

Девушка вдруг улыбнулась и опустила глаза. Всамделишные немцы больше ее не пугали. Совсем.

Пока Герман развлекался разговором с девчонкой, парни быстро перетаскали оружие полицейских в БТР, туда же забросили, предварительно связав, Хмыря и Игната. Артем успел выяснить у одноногого деда дорогу в лес. Теперь пора было сматываться. В любой момент сюда могли нагрянуть как полицейские, так и немцы. Устраивать бой в деревне в явно невыгодных условиях в планы братвы не входило...

– Гера, по коням! – крикнул Олег уже из БТР. – Время.

– Ну, пока! – вздохнул Герман, глядя в блестящие глаза Нины. – Будь здорова, красавица. И не попадай к... нашим коллегам из гестапо.

– Да...

Герман еще секунду смотрел на нее, потом вдруг шагнул вперед, притянул за плечи и впился губами в ее губы. Девчонка ахнула, зажмурила глаза, но из объятий не вырывалась. Когда Герман ее отпустил, она судорожно вздохнула и отступила назад. Лицо постепенно становилось красным. В глазах, против ожидания, не было и намека на злость.

– Прощай! – Герман махнул рукой и побежал к машине.

Девчонка еще минуту стояла на дороге, глядя, как броне транспортер исчезает за домами, оставляя за собой облако пыли.

– Ну, ты артист, Гера, – насмешливо протянул Олег. – И здесь сумел девчонку закадрить! Разглядел под тряпками!

– Хороша девка, – мечтательно вздохнул Герман. – Тряпье скинуть, отмыть и приодеть – королева красоты!

Артем колдовал над картой, прикидывая расстановку сил в районе и отмечая силы немцев. Делал он это по старой спецназовской привычке, на тот случай, если в лесу они не найдут дорогу обратно. Тогда знание обстановки будет весьма кстати.

На миг оторвав голову от карты, глянул на Германа и сказал:

– Гера, сколько ей лет?

– Да не больше семнадцати. Свеженькая еще, молодая. Зуб даю – целка.

– А теперь, – прервал его излияния Артем, – прибавь к семнадцати шестьдесят один.

– Это ты к чему? Ну, семьдесят восемь.

– Так вот, – на губах Артема заиграла улыбка, – когда вернемся, загляни в эту деревню. Встретишь свою любовь. Может, и узнаешь в семидесятивосьмилетней старухе.

Олег и Виктор прыснули, глядя на растерянное лицо Германа. Тот набычился, меряя Артема свирепым взглядом, потом плюнул (прямо на лежащего под ногами Хмыря) и хмыкнул:

– Я говорил – геронтофилией не страдаю. Так что бабуся оставим в покое. Зубоскалы! Давайте лучше думать, что делать.

Ответил Олег:

– А делать одно – держать курс в лес. Поищем место, где нас перекинуло.

– И если не найдем, то...

– То будем думать, что делать дальше, – закончил за Германа Артем. – Хотя лучше бы этого «не найдем» не было.

4

Дважды мимо них по дороге проскакивали немцы. Первый раз это был мотоцикл с коляской. Несколько секунд он ехал рядом с БТР, внимательно разглядывая его, а потом прибавил скорость.

После того как мотоцикл исчез за поворотом, Олег сказал:

– Наши катания в открытую надо заканчивать. Немцам захочется узнать, что за машина разъезжает по их тылам.

– Подумают, что новая модель, – отмахнулся Витя.

– Не считай их дурнее себя. Они свой транспорт знают.

Витя пожал плечами и промолчал. А сидящий за рулем Герман толкнул Артема:

– Сколько еще до той дороги?

– Семь километров.

– Может, раньше свернуть? В натуре, засекут.

– Некуда.

Машина продолжила путь, но теперь парни внимательно посматривали по сторонам и на дорогу. Предостережение Олега восприняли серьезно.

Через пару километров навстречу им выехала легковушка. Поднаторевшие в немецкой технике парни без труда опознали «опель-кадет». Юркая машина, не доехав метров тридцать до бронетранспортера, встала, перегородив путь. Из машины выскочил солдат, за ним неторопливо вышел офицер.

– По нашу душу, – процедил Герман и остановил БТР метрах в десяти от легковушки. – Накаркали.

– В машине три, максимум четыре человека, – сказал Олег и глянул на Артема. – Мы с тобой выходим, Витя, за пулеметом. Герман, будь готов стартануть в любую секунду. Пошли.

Немецкий офицер с раздражением и удивлением смотрел на незнакомый бронетранспортер, узнавая и не узнавая одновременно. Раскраска, опознавательные знаки – все как положено. И пулемет на турели стоит. Но все равно странная машина.

Когда из нее вылезли два офицера гестапо, немец мысленно чертыхнулся и пожалел, что остановил машину. Там, где гестапо, любая странность становится закономерностью. Наверняка прихватили новую разработку, еще не вошедшую в серию, и теперь раскатывают по своим делам.

Кстати, а что за дела? Районное отделение гестапо сейчас в полном составе в деревне Портягино, офицер это знал, так как сам отправлял грузовик с взводом пехоты для прикрытия. Кто тогда идет к нему?

– Говорю я, – шептал Олег. – Ты приветствуй и молчи. Если что – контужен.

– Угу.

– Водитель и кто еще внутри – на тебе.

– Да.

Они подошли к немцу почти вплотную и разглядели погоны майора. А также Железный крест и нарукавную нашивку «Afrika». Этот фриц успел поучаствовать в африканской кампании.

– Хайль Гитлер! – одновременно вскинули руки парни, и Олег сразу спросил: – Что случилось, господин майор? У вас проблемы?

Немец ответил на приветствие, настороженно разглядывая гестаповцев. Оба здоровые, откормленные и, сразу видно, отменно тренированные. И наглые. Привыкшие к привилегированному положению. Но что-то в них было непонятным.

– Прошу извинить, господа. Я хотел узнать, откуда вы.

– Это все? – иронично спросил Олег. – Больше ничего вам, господин майор, не хочется узнать?

Майор заиграл желваками. Он жалел, что вылез со своей подозрительностью, но отступить теперь не хотел. В конце концов, это его район, и он обязан быть в курсе всех дел.

– В этой области действует партизанский отряд, – попробовал объяснить он свое любопытство. – Русские диверсионные группы проникают сюда, чтобы вести подрывную деятельность.

– И вы решили, что мы – русские диверсанты? – усмехнулся Олег. – Это интересная мысль, господин майор. Я обязательно поделюсь ею с руководством, когда вернусь в Берлин. Оно оценит юмор. Вы действительно хотите проверить наши документы? Так?

На всех стрелках, разборках, переговорах, которые вел Олег, у него было ключевое слово, которое он произносил, когда ситуация выходила из-под контроля. Это слово «понятно». После него стрелка плавно переходила в стадию боя. А сигнал тревоги – слово «так».

К моменту, когда «так» уже прозвучало, Артем успел разглядеть сквозь стекло водителя пустое сиденье за его спиной. В машине был только один. А вот сопровождающий майора солдат стоял в трех шагах от машины и страховал начальство по всем правилам. Пистолет-пулемет, правда, держал опущенным, но палец лежал на спусковой скобе. Если что – в доли секунды оружие перейдет в горизонтальное положение и изрыгнет пламя.

Артем стоял, заложив руки за спину. В правой был пистолет. Самый опасный среди немцев – солдат. Поэтому расклад немного меняется – он будет работать сначала по тому.

– Я не имею права проверять документы у сотрудников тайной полиции, – спокойно продолжал майор. – Я только прошу представиться. А лучше всего – проехать к вашим коллегам в Портягино. Простите, господин штурмбанфюрер, но бдительность еще никто не отменял.

«Он что-то подозревает, – соображал Олег. – В чем-то мы прокололись. Конечно, БТР вызывает вопросы, но не только он. Либо наша одежда, либо тот факт, что мы вообще появились здесь. В любом случае, если он не отстанет, надо валить!»

– Заканчивайте свой цирк, майор, – повысил голос Олег. – Если вы не забыли, сотрудники гестапо не подотчетны армейским офицерам. И вправе не отвечать на их вопросы. Вам все ясно?

Немец явственно скрипнул зубами, но сдержался. Спорить с представителями влиятельной структуры не хотел. Но то, что, приехав на место, доложит о странной встрече – это точно. Выскочек из гестапо он не любил.

Олег все видел. Видел, что в машине, кроме водителя, никого. Что Артем уже переминает пальцы на рукоятке пистолета. Видел, что на дороге и вокруг нее пусто. Не видел, но знал, что в БТР Витя готов в любой миг открыть огонь, снося все живое.

В ситуацию, как говорят, «въехал» и, что самое паршивое, понимал: иного выхода, кроме как валить, нет. Этот немец все равно сдаст. Пустит по следу «коллег». Так что тянуть нет смысла. Дальнейшее промедление приведет к тому, что майор решит, будто перед ним партизаны. Любой, самый невинный вопрос поставит самозванцев на грань провала.

* * *

Нож у него всегда был под рукой. Достать – дело мгновения. Пустить в ход – другое мгновение. Олег мог отправить на тот свет человека меньше чем за секунду.

Насчет оружия и его применения было у Олега собственное мнение. «Пистолет, – часто говорил он, – реально работает на дистанции до пяти метров. А зачастую и до трех. Это если не в тире, а в бою, где в тебя тоже лупят почему зря. И ты не стоишь, заложив руку за спину и выпрямившись».

Так вот, на такой дистанции нож бывает опаснее пистолета. И человек, владеющий им, способен расправиться с вооруженным стволом противником.

На дистанции от трех до тридцати метров главенствует пистолет-пулемет – высокая скорострельность, малые габариты, удобство управления одной рукой. От тридцати до ста пятидесяти лучше работать автоматом. До четырехсот – пулемет, снайперская винтовка. А дальше – АГС, крупнокалиберные пулеметы, минометы и т. д. Такой расклад подсказывал богатый опыт последних лет. И Олег его четко усвоил.

У него был фирменный нож, сделанный по заказу. Работал он им филигранно, показывая настоящие чудеса. Кстати, пистолет не носил. По вышеуказанным причинам. Хотя стрелять умел. Особенно любил снайперку.

Артем Олеговы объяснения принимал, но предпочитал пистолет. И работал не менее ловко, чем Олег ножом. Витя и Герман предпочитали автоматы. А больше тяготели к рукопашке. Словом, вся четверка прилично владела оружием и успешно пускала его в ход.

– ...Так что, майор, вам все понятно? – громко спросил Олег, нащупывая нож в руке. – Или у вас еще есть вопросы?

Услышав сигнал, Артем переступил с ноги на ногу, прикидывая порядок действий и внимательно наблюдая за солдатом. Он ждал, когда начнет Олег.

– Мне все ясно, господин штурмбанфюрер! – отчеканил майор, сверля гестаповца злым взглядом. – Разрешите следовать дальше?

– Да, пожалуйста. И не держите на меня зла. Я только действую по порядку.

Олег шагнул к немцу, протягивая правую руку, вроде как для рукопожатия. Немец невольно сделал ответный жест. При всей злости правила хорошего тона он не забыл.

Крепко сжав руку немца, Олег чуть дернул его на себя, а сам ударил левой, в которой был зажат нож. Лезвие легко пробило китель и вошло в печень. Проворот, рывок в сторону – и печень развалена на части. С такими ранами живут от силы минуту.

Олег еще удерживал майора около себя, закрываясь им от солдата. А Артем уже сделал шаг в сторону, вскидывая пистолет и беря на прицел врага.

Два выстрела бахнули почти одновременно. Солдат, получив пулю в лоб, уже падал на землю. А водитель со свинцом в груди упал на руль. Немежими пальцами попытался завести двигатель. Но еще один выстрел пригвоздил его на месте.

– Артем, глянь в машине! – крикнул Олег, быстро обшаривая китель майора в поисках документов. Он действовал на автомате, как его учили в армии.

– Пусто, – вылез из машины Артем. – Только портфель.

– Машину и трупы в овраг!

Братва второй раз за день повторяла привычную операцию, пряча следы. На этот раз замаскировали получше.

– Все! Уходим!

Олег затоптал кровавые пятна на дороге, спрятал документы майора и его ствол и побежал к машине. Артем успел первым и уже залез на броню. Через минуту БТР исчез за поворотом.

Следующий раз они остановились в двух километрах от поста охраны. Перед тем как проехать его, следовало избавиться от пленных полицейских. Ничего интересного они сказать уже не могли, а вот мешали здорово. Хмырь и его сообщник, понимая, что их ждет, пытались договориться, взывая к воровскому закону, но Артем, вытаскивавший главного полицейского из машины, треснул ему по скуле и гаркнул:

– О законе и не вспоминай, падла! Не для тебя, ублюдка, он!

Через минуту гитлеровские прихвостни лежали в зарослях кустарника с перерезанными глотками. Братва не стала стрелять, справедливо опасаясь быть услышанными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.